

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕМИНАРЕ «МАРГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ»

Степан Попов

Конвенциональную историю литературы редко интересуют сюжеты, связанные со странными или маргинальными текстами, странными или маргинальными авторами или уж тем более — со странными или маргинальными издательскими, читательскими или критическими практиками.

Вполне понятно и легко объяснимо, почему это происходит. Так, помимо прочего, и действует дисциплина, призванная сохранять, комментировать, популяризировать и оберегать литературный канон, — то есть закрытую группу некоторых «исключительных» текстов-шедевров, составляющих литературную традицию (и во многом формирующих национальную или иную коллективную идентичность)¹.

Более того, конвенциональная история литературы не просто не видит странное и маргинальное, но и даже отказывается признавать его как релевантный объект исследования (или банально — как релевантный предмет индивидуального читательского интереса). В странном и маргинальном конвенциональная история литерату-

1. О том, как связаны между собой историческая фигура канона, проблематика дисциплинарных границ, а также прагматика производства идентичности, Мишель Фуко, в частности, пишет следующее: «Дисциплина — это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил» [Фуко 1996: 69]. Весьма важно и то, что Фуко обнаруживает в описанной им конфигурации репрессивного дискурса ту же институциональную основу, которую можно обнаружить и у конвенциональной истории литературы: «...ее укрепляет и одновременно воспроизводит целый пласт практик, таких, как педагогика, или таких, конечно же, как система книг, издательского дела, библиотек...» [Фуко 1996: 57].

ры — и это, по всей видимости, и есть главная причина отсутствия интереса к нему — усматривает некоторую угрозу легитимности канона, а следовательно, и угрозу собственной легитимности как весьма специфической форме знания².

И уже, по крайней мере, это обстоятельство послужило причиной открыть семинар **Маргинальные тексты**.

Семинар был запущен в начале октября 2020 года. К сегодняшнему дню проведено более 20 встреч.

В рамках семинара читаются как тексты, либо никогда не существовавшие в границах литературного поля (непубличные дневники советского времени³, проза писателей-любителей и толстовцев [Аполлов 1895]); либо плохо или мало известные, в какой-то момент выпавшие из культурного обращения (забытая детская проза 1920-х — 1930-х годов [Левин 1931], параноидальные романы писателей-эмигрантов [Солоневич 1968]); либо обладающие непонятной, спорной и скандальной репутацией и потому никем не востребованные (сталинистский [Павленко 1949] или серебряновечный треш [Крыжановская-Рочестер 1910]).

Помимо этого, проводятся регулярные обсуждения различных теоретических текстов и подходов, так или иначе помогающих концептуализировать маргинальность как аналитическую категорию — или позволяющих понять, что с маргинальными текстами вообще можно и нужно делать.

Напоследок — пара слов о собственном опыте как участника и организатора семинара.

Безусловно, в ходе обсуждения текстов мы постепенно приходили к пониманию того, почему маргинально то, что мы читаем, — и ответы, впрочем, не всегда были очевидны. Но эта задача, кажется, никогда не была приоритетной. Скорее, чтение маргинальных текстов становилось здесь определенной интеллектуальной и культурной практикой, — практикой, с помощью которой менялись и про-

2. Впрочем, подобный взгляд на историю культуру был манифестирован уже Ницше, о критической программе которого тот же Фуко замечал: «...то что Ницше начал критиковать... продолжал критиковать постоянно, — это как раз та форма истории, которая пытается снова ввести (и всегда предполагает) над-историческую точку зрения: это история, задачей которой должно быть сведение воедино, во вполне замкнутой на себя тотальности, покоренного наконец разнообразия времени... <...> история, бросающая на все, что у нее за спиной, взгляд конца света...» [Фуко 2003].

3. И эссе о которых — будет представлено ниже.

должают меняться наши представления о возможном в литературе и письме как форме существования культуры вообще. Фактически в центре семинара были и остаемся мы сами, наши интересы, наши симпатии и антипатии, наш взгляд на маргинальность как таковую.

Преодолевая косность, патриархальность и традиционализм конвенциональной истории литературы, — мы обратились к себе, осознали собственный опыт как исходную точку разговора, сделали попытку перечитать литературное пространство как открытое и инклюзивное.

И уже, по крайней мере, это стоило того, чтобы открыть семинар **Маргинальные тексты**.

Список литературы

1. [Аполлов 1895] — *Аполлов А.* Необыкновенный случай. Быль. М.: Тип. И. Е. Ермакова, 1895.
2. [Крыжановская-Рочестер 1910] — *Крыжановская-Рочестер В.* Адские чары. Оккультный роман. СПб.: Книгоиздательское товарищество, 1910.
3. [Левин 1931] — *Левин Д.* Десять вагонов. Повесть для детей старшего возраста. М.; Л.: ОГИЗ — Молодая гвардия, 1931. 224 с.
4. [Павленко 1949] — *Павленко П.* Степное солнце. М.; Л.: Детгиз, 1949. 48 с.
5. [Солоневич 1968] — *Солоневич И.* Две силы. Роман из советской жизни. Борьба за атомное владычество над миром: в 2 ч. Нью-Йорк: Свободное слово Карпатской Руси, 1968.
6. [Фуко 1996] — *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.
7. [Фуко 2003] — *Фуко М.* Ницше, генеалогия, история // Ницше и современная западная мысль. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 532–559.

КАК ЧИТАТЬ МАРГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ?

Какую литературу мы называем маргинальной и почему? Подходит ли для работы с ней тот инструментарий, который был выработан для текстов, условно входящих в канон? Возможно ли существование литературы «без полей» — без «ядра» и «периферии»? Об этом и многом другом беседовали участники семинара «Маргинальные тексты» на встрече, состоявшейся 20 марта 2021 года. Для обсуждения в этот день были выбраны работы «О понятии истории» В. Бенъямина и «Поле литературы» П. Бурдые, а также «Гакраб (Битва): Поэма о шахматной игре» Я. Эйхенбаума, так что семинар получился одновременно и теоретический, и практический.

В дискуссии приняли участие студенты магистерской программы «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Артём Бабушкин, Александра Денисова, Мелания Калинина, Олег Ларионов, Степан Попов, студентка магистерской программы «Культурная и интеллектуальная история: между Востоком и Западом» НИУ ВШЭ в Москве Светлана Демидова, а также преподаватели НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Виктор Михайлович Димитриев, Илья Александрович Калинин и Андрей Александрович Костин.

Степан Попов: Я позволю себе начать с тезиса, основанного на чтении наших теоретических текстов. О чем нам говорит Бурдье? Он говорит о том, что поле литературы имеет некие собственные правила, предлагает актерам, существующим внутри этого поля, уже сформированные (и не ими) сценарии самореализации — как более, так и менее успешные, и все, что остается актеру в этой перспективе — это в соответствии с собственным социальным опытом, в соответствии с собственным габитусом избрать для себя некую готовую линию поведения. Безусловно, к такой постановке вопроса мы можем предъявить много претензий. В частности, мы можем возразить Бурдье, что, вообще-то, как конвенциями социального поведения, так и правилами поведения в литературном поле актер может манипулировать, и мы знаем много примеров такого рода манипуляций, причем довольно успешных, не буду приводить здесь каких-то дополнительных примеров. Но я бы попробовал сформулировать к Бурдье другую, может быть, даже не озвученную ранее претензию, именно исходя из своего интереса к маргинальной литературе.

Из своего опыта чтения маргинальных текстов я понял, что каждый раз по-настоящему маргинальный текст, по-настоящему маргинальный автор существует вне какого-либо поля или субполя, и поэтому у маргинала нет какого-то примера, в соответствии с которым он мог бы выстраивать некую стратегию поведения. Часто нет у маргинала в перспективе зрения и общего поля литературы — он существует вне его. Маргинал не манипулирует правилами, существующими в поле литературы, он не выбирает себе еще никем не занятые амплуа, он не действует в горизонте возможностей, которые ему очерчивает поле литературы. **Фактически маргинал изобретает невозможное, конструирует себе некое собственное пространство, на которое у поля литературы просто не хватает воображения.** И следовательно, здесь встает вопрос о том, что же позволяет маргиналу это делать.

Беньямин, кажется, немного проясняет, что это могут быть за свойства. Маргинал по Беньямину — это угнетенный, слабый субъект, неопределяемый, игнорируемый традиционными нарративами сильных — как историческими, так социальными или политическими — это, в целом, понятно. Другое дело — и в этом, на мой взгляд, главная ценность Беньямина — это то, что он фактически показывает, что нам делать с маргиналами: необходимо писать их историю. В частности, эта история важна и в эпистемологическом плане: создавая историю маргиналов, мы поймем, что маргиналы создавали нечто такое, что в какой-то момент оказалось ненужным или нереализованным. Так

мы увидим, что могло бы случиться в прошлом, но не случилось, то есть мы с помощью выстраивания истории маргиналов как бы увидим мир нереализованных возможностей, неслучившееся прошлое. И из этого можем уже делать самые разные выводы. И я думаю, текст Эйхенбаума, который я подобрал, дает нам именно такие возможности. Я бы не останавливался только на нем и использовал бы его только как подспорье.

Артём Бабушкин: На самом деле, у меня возражение по поводу концепции Бурдые. Он же не пишет о том, что акторы могут только занимать позиции, которые уже существуют. Он говорит в том числе и о появлении новых позиций, которые как бы возможны грамматически. Как в грамматике есть какой-то горизонт возможностей языка, так и в литературе есть свой горизонт возможного — и в том числе относительно того, что называют манифестацией. И каждый новый автор, который входит в это поле литературы, все равно работает с какими-то конвенциями, в том числе манипулируя ими, и изобретает какую-то новую позицию. Поэтому мне кажется, что эту предпосылку можно обговорить более подробно.

Олег Ларионов: Если я правильно понимаю, для Бурдые очень важен пафос того, что все производится коллективным, совместным действием разных акторов. То есть, грубо говоря, в этой схеме получается, что не будет маргинальных авторов, маргинальных текстов, пока не появятся какие-то люди (например, наш семинар), которые прочтут такие тексты и назначат их маргинальными — введут их, таким образом, в общую конструкцию литературного поля, поместив их на маргинальные позиции. В этой перспективе маргиналы и маргинальность оказываются не какими-то ускользающими от нашего описания сущностями, а скорее производными от нашей деятельности. Мне кажется, здесь есть над чем подумать.

Светлана Демидова: Я, наверно, отчасти продолжу эту мысль. Когда я читала примечания и предисловия к «Шахматной поэме», мне показалось интересным, что мы выбрали именно ее, потому что она попала в наше поле зрения постфактум биографического процесса, в результате распространения некоего биографического ореола — мы читаем Эйхенбаума, у него был такой дедушка, и почему бы нам заодно не опубликовать и его текст. Степан сказал вначале о том, что маргиналы существуют вне какого-то поля и создают собственное поле — мне кажется, что это происходит более сложно. Иногда возникают случаи, когда эти тексты находятся в ореоле литературного быта вторичной литературы, каких-то документов, которые мы ассоциируем с архивными по отношению с тем, что мы считаем находящимся в центре канона.

Андрей Костин: Мне кажется, что это отличный разговор — очень хорошо подобраны тексты, но все-таки я бы хотел немного возразить Степану. У меня постоянный вопрос к Бурдые о том, насколько то, о чем он пишет, описывает ситуацию с хронологически уходящим в историю набором текстов. Кажется, что Бурдые описывает синхронную борьбу. Это существенный момент; архивные тексты, по всей видимости, работают для читающих их через определенное время как-то иначе.

Помимо этого у меня есть вопрос к тексту, который мы читаем: насколько мы хорошо представляем себе поле и контекст, в котором работает Яков Эйхенбаум? В начале Борис Эйхенбаум рассказывает, что он возвращается к отцу и там начинает читать эту самую ново-еврейскую литературу 1810–1820-х годов, и она оказывается важным для него текстуальным опытом. Я совсем в этом не специалист, и было бы интересно, если бы с нами был, например, Эдуард Вайсбанд с нашей кафедры — человек, в общем-то представляющий себе эту литературу. Но по тому, с чем мне приходилось сталкиваться — у пишущих в России по-еврейски евреев в начале XIX века действительно есть некоторая литература, которая во многом заточена и смотрит на русскоязычную литературу как на образец, как раз где-то к 30–40-м годам появляются переводы, например, из Державина или Хераскова на еврейский язык. Когда Рабинович все это переводит языком условного «Демона», «Демон» уже написан, а когда Яков Эйхенбаум пишет — еще нет, и это не случайно, это то, в чем они существуют и на что ориентируются. И если мы применяем Бурдые к этой ситуации, в которой работает Яков Эйхенбаум — мы, кажется, вполне можем описать это поле: место, которое занимает в нем светская еврейская литература, ориентированная на русскую практику, довольно специальным образом располагается среди разных еврейских литератур — и на идиш, и на иврите, и это вполне можно описывать. Другое дело, что, конечно, когда этот текст попадает к нам как к читателям в совсем другое время с совсем другим языком и из других контекстов, он занимает, видимо, какое-то совсем другое место. И тут вопрос — насколько схема Бурдые это предполагает и вообще насколько он заинтересован в описании этих позиций, насколько вообще Бурдые задается вопросом о маргинальности. Может быть, с этой стороны можно было бы подойти к этой проблеме.

Виктор Димитриев: Эта тема — одна из самых для меня интересных. Я бы хотел предложить свою интерпретацию маргинальной литературы в том ключе, в котором говорил о ней в самом начале Степан, однако мне хотелось бы говорить о маргинальности как о некоторой стратегии. Вы описали маргинальность

как что-то, что (в большей степени в перспективе Беньямина) оказывается вытесненным большими нарративами и тем, что невозможно описать — и у меня сразу появляется вопрос, почему сама эта практика, сама эта постановка вопроса о маргинальности не включена в маргинальность как стратегию.

Есть книга, посвященная так называемому «незамеченному поколению» русской эмиграции, ее написала Ирина Каспэ, она называется «Искусство отсутствовать». Речь в ней идет о сообществе эмигрантов первой волны, которое сознательно описывало себя на языке «невозможности описать», которое сознательно описывало свой неуспех как успех, разрабатывало язык, посредством которого эта маргинальность была бы в каком-то смысле не схватываема исследовательским языком. Другими словами, это такая уклончивая практика постепенного включения всех форм различий внутри какого-то маргинального поля в свой собственный язык, и на этом языке все эти структуры различия становятся неразличимы. Очень любопытно, как это функционирует, как уже в 30-е годы эти литераторы пытаются сформировать представление о себе как о маргинальной группе скорее на языке неопишуемого сообщества Бланшо.

С одной стороны, у меня возник вопрос: почему этот тезис о неопишуемости маргинального опыта, о том, что его невозможно вписать в какой-либо исследовательский нарратив, — не является примером стратегического манипулирования в литературном поле? С другой стороны, может быть, здесь имело бы смысл включить еще одну трактовку сообщества, неопишуемого сообщества маргиналов, выраженную в текстах Батая и Бланшо?

Илья Калинин: Да, то, что я хотел сказать с самого начала, хорошо продолжает то, что во многом артикулировал сейчас Виктор. Мне кажется, что эта тема так или иначе у нас возникала и прежде на семинарах. Есть смысл различать два типа маргинальности. Тексты Бурдье и Беньямина особенно удачно подобраны, потому что позволяют нам этот водораздел провести.

Приложив к этому явлению социологическую оптику Бурдье, мы можем увидеть, что он оперирует синхронным срезом. Однако это не значит, что данная оптика позволяет говорить исключительно о современности. Мы можем прикладывать его модель к любой эпохе, по отношению к которой возможна реконструкция и картографирование пространства напряжения между различными агентными позициями, борющимися за доминирование внутри того, что Бурдье определяет как *поле*. Без этой предварительной работы мы не можем, пребывая в каком-то безвоздушном пространстве, выстроить социологическую аналитику по отношению к любому тексту, принадле-

жащему той или иной эпохе. С помощью своей концепции поля Бурдье пытается разрешить, казалось бы, неразрешимое противоречие, по-разному воспроизводившееся в социологии: противоречие между акцентом на структуру и акцентом на социальное действие. Структурный функционализм исходит из того, что жизнь общества подчинена действию объективно существующих структур, норм, правил и законов, неким предзаданным установкам — это та грамматика, о которой уже говорил Артем. Социальный конструктивизм исходит из того, что индивиды своими действиями, интерпретациями, коммуникативными актами сами производят социальную реальность, *ad hoc* разыгрывая свои роли. Понятие поля, которое предлагает Бурдье, синтезирует две эти перспективы: структуры и действия. Мы совершаем то или иное действие, но внутри определенным образом организованного поля. При этом наше действие приводит к тому, что это поле реструктурируется. Структура одновременно и не уничтожается, и становится пластичной, приобретая внутреннюю подвижность и динамизм.

Возвращаясь к тому, что сказал Виктор: безусловно, мы можем говорить не просто о маргинальности или внешней маргинализации (синхронно социальной или ставшей результатом исторических сдвигов), но и о сознательной *автомаргинализации*. Выстраивание собственной маргинальности может быть рассмотрено, по крайней мере, по Бурдье, как совершенно сознательная стратегия достижения успеха, как стратегия приобретения и накопления символического капитала. Согласно логике Бурдье, художник может работать, опираясь на принципы эстетической автономии, настаивая на собственной литературной маргинальности и достигая успеха именно в качестве «непризнанного», а может, наоборот, обращаться к механизмам гетерономии (переносящими на поле литературы принципы экономического или политического полей), предьявляя себя как коммерческого писателя или как писателя, облеченного тем или иным политическим или административным статусом. Про Владимира Сорокина мы уже вспоминали, а можем вспомнить про Эдуарда Лимонова, чья стратегия гетерономии тоже может быть описана через феномен маргинальности. Для Лимонова и литературная, и биографическая, и политическая маргинальность всегда были важным инструментом борьбы и аккумуляции капиталов разного рода. В любом случае, здесь речь идет о маргинальности как о сознательно выбранной, более того, — активной, наступательной позиции. Таким образом, мы можем говорить о маргинальности как о стратегии, как о выборе.

Беньяминовская перспектива взгляда на маргинальность выглядит совершенно иначе. В его случае маргинальность — уже не выбор, а судьба, связанная с изначальной депривированностью субъекта письма по отношению к различного рода измерениям господства / подчинения: социального, классового, политического, экономического, гендерного, расового. Это совершенно иной тип (точнее — совершенно иная логика) маргинальности, за которым стоят другие отношения и, соответственно, другой способ описания. Тот долг, который с точки зрения Беньямина должен испытывать историк, стоящий на позициях диалектического материализма, — это долг перед угнетенными, теми, кто потерпел поражение, в результате которого их голоса оказались стерты с носителей исторической памяти. У беньяминовского историка нет долга перед теми самомаргинализирующимися сообществами, которые создают себя через дискурсивное ускользание, символическую неопишуемость, через попытку выскользнуть за пределы тех или иных нормативных пространств: рынка, товарно-денежных отношений, политической власти, доминантного языка описания. Возможно, есть смысл попытаться более четко провести именно эту границу между маргинальностью как выбором и маргинальностью как судьбой, маргинальностью как стратегией и маргинальностью как эффектом депривации и угнетения по одному из любых возможных признаков.

Степан Попов: Мне показалось действительно важным разделение маргинальности на несколько видов, которое Вы воспроизвели. В связи с чем я вспомнил, что в приложении к трактату Беньямина есть 2 абзаца, абзац А и абзац Б. Меня заинтересовал абзац Б. В нем он пишет, что евреям запрещено пытаться узнать будущее, потому что оно им не принадлежит, они сами (не?) определяют собственное будущее. Оно им дается в некой готовой форме. Любопытно, что Беньямин дает этой, в общем-то, исторической слабости такую положительную перспективу: поскольку евреи не могут знать своего прошлого, они имеют хорошее воображение, они умеют удивляться и, соответственно, удивлять.

И я бы вернулся к Бурдые. Для него важна вот эта модель грамматики относительно литературного поля, и он довольно часто подчеркивает то, что да, можно сплестать и менять позиции, можно, соответственно, с помощью манифестации каким-то образом реструктурировать поле. Однако, по-моему, он настаивает на том, что в поле уже заложен некий предел возможностей, за границы которого субъект не может выйти, и даже если он занимает некую новую позицию, ее существование уже предопределено полем литературы, а через это и полем власти. Мне кажется, что маргиналы, условно,

второго типа, поскольку они не могут знать собственного будущего, поскольку они не знают правил игры в поле, они умеют удивляться и умеют удивлять.

[Пропуск при расшифровке семинара. — Прим. редактора.]

Мелания Калинина: Получается, что маргинальность — это что-то имманентное по отношению к тексту? Даже разделение на маргинальности на две категории: маргинальность сознательную и маргинальность, предначертанную судьбой, — не отменяет того, что это нечто имманентное. Мне подумалось о том, что, когда мы начинали этот семинар, посыл был в том, что мы читаем тексты, которые кажутся маргинальными нам, и наша личность, на самом деле, играла не последнюю роль в этом всем. Фактически, мы делали что-то обратное тому, о чем пишут, например, умные историки: мы брали тексты, фактически вырывая их из поля, из их синхронного окружения, и читали.

Степан Попов: Мелания задала очень интересную перспективу, а именно — обратить наш разговор о маргинальности на наш опыт чтения маргинальных текстов, на наш выбор маргинальных текстов.

Андрей Костин: Есть вопрос со значимостью категории борьбы, соперничества, вопрос о том, насколько это работающие категории, когда мы работаем с тем, что сейчас описываем как маргинальные тексты. Чем интересен Беньямин, так это тем, что когда мы включаем теологию и вопрос о будущем счастье, то, вообще говоря, мы знаем, что это мир, которого мы хотим достичь, это мир, где лев возляжет с агнцем, мир, в котором противоречия и борьба будут отменены. Мы хотим его достичь. Но возможно ли это достижение? Насколько оно нормально достижимо в том числе и для занятия историко-литературным чтением текстов, насколько нормально само представление себе этих самых позиций? Можем ли мы мыслить категорию этого самого литературного поля вне вопроса о том, что разные его позиции не находятся в статике, а постоянно взаимодействуют друг с другом, предполагая более или менее центральные маргинальные позиции вытеснения, забвения и так далее? Это тот момент, в котором, удивительно для меня, несмотря на всю эту мистическо-теологическую подоплеку, Беньямин соприкасается с Бурдые, и категория борьбы становится важной. Возможно ли достижение такого состояния истории, в том числе и для Беньямина, в котором произойдет это самое возлежание льва с агнцем, или нет?

Предполагаем ли мы, что, отбирая и читая маргинальные тексты, а не тексты канонические, центральные, мы переворачиваем что-то или создаем вот этот райский мир сосуществования текстов?

Степан Попов: Мне кажется, что одного чтения и обращения внимания на маргинальный текст, наверно, все-таки недостаточно. На самом деле, если думать о какой-то перформативной силе, то в этом смысле канонические тексты, конечно, живы, и они смогли реализовать собственные проекты, тогда как маргинальные тексты — это, действительно, мертвые и неосуществленные тексты. Мне кажется, что в полной мере воскресить их, не смотря на все наши попытки, все-таки невозможно.

[Пропуск при расшифровке семинара. — Прим. редактора.]

Андрей Костин: Проблема с тем, как мы работаем с этими текстами, и насколько для нас здесь рабочими оказываются Беньямин и Бурдые. Упомянувшиеся [эта часть разговора была выпущена при расшифровке семинара — прим. редактора] опоязовцы, формалисты — это люди, которые занимаются специальным вопросом о том, как работают тексты из архива в современности, как они туда попадают, пройдя через сито какого-то времени, в виде текста, лишённого авторской привязки в современности, и как они с нами работают. Вот то, что занимает Тынянова и Шкловского.

Мы должны решить вопрос, который у нас здесь с вами встает: важна ли для нас маргинальная позиция, важно ли восстановление контекста? Это тот вопрос, который я задавал к Бурдые вначале: да, мы можем реконструировать позицию поля, в котором создается изначальный текст. Но это никак не будет объяснять взаимодействие этого текста с нами и с тем, как мы его читаем. Он оказывается сейчас в какой-то абсолютно другой структуре. Мы можем, идя за Тыняновым, реконструировать истории смены этих полей. Это само по себе увлекательное занятие. Для Тынянова этой маргинальности, которая существует внутри текста, в принципе нет. Это принципиальная позиция для Тынянова: маргинальность есть только функция поля, а не что-то существующее внутри самого текста. То, во что мы здесь упираемся, это то, насколько нам нужна или не нужна история литературы, и аппарат реконструкции контекста, и реконструкция прошлых состояний поля.

Илья Калинин: Мне вдруг пришло в голову, что, возможно, как раз восстановление контекста и есть та работа, которую Беньямин призывает совершать по отношению к традиции угнетенных, о которой он пишет, потому что именно их голоса не звучат

из дошедших до нас текстов. Не звучат в том числе потому, что мы не знаем того контекста, внутри которого эти голоса когда-то возникли. Светлана сказала, что, когда мы смотрим на маргинальность с точки зрения депривированности, это удаляет нас от беньяминовского понимания. Могли бы Вы еще раз тезисно озвучить этот аргумент?

Светлана Демидова: Я имела ввиду, что сам проект Беньямина, кажется, предполагает то, что мы знаем, какие тексты и какие голоса, что за группу мы хотим возратить и сделать «говорящей». Поэтому это проект, не идентичный тому, что мы сейчас, например, разбираем какой-то индивидуальный текст и осознаем его как маргинальный.

Илья Калинин: Я с Вами согласен. Мы, когда говорили о Беньямине с Виктором, скорее заходили со стороны мистической, кабалистической, иудаистской линии в интеллектуальной генеалогии Беньямина [эта часть разговора была выпущена при расшифровке семинара — прим. редактора]. Но помимо нее мы не должны забывать и о другой линии, связанной с его фигурой. В биографическом плане эти два беньяминовских крыла опираются на его дружбу с Гершомом Шолемом и Бертольдом Брехтом. В этой второй перспективе слова Беньямина об историческом материализме не стоит понимать метафорически. Это тот самый исторический материализм, о котором говорит Маркс. Поэтому, когда мы сталкиваемся с понятием «традиция угнетенных», которая требует реконструкции, — на языке мистики Беньямин обозначает ее как «воскрешение» — это не метафора. И необходимость обращения к этой традиции угнетенных не нужно понимать исключительно в каком-то таком герменевтически-талмудическом ключе, речь идет о вполне конкретном социокультурном, политэкономическом, расовом, гендерном угнетении, объекты которого взывают к тому, чтобы быть услышанными сквозь канонизированные дискурсивные напластования, оставленные победителями. Иными словами, речь в данном случае идет не только о реконструкции и интерпретации, но и о восстановлении когда-то отнятой субъектности, — о возвращении исторической справедливости.

Вопрос в том, как эта маргинальность связана с текстом. Понятно, что она точно связана с фигурами автора, повествователя, лирического героя, с субъектностью, которая через текст реализуется. Любопытно, что если все-таки искать какие-то точки пересечения между Бурдые и Беньямином, то, как уже было сказано, долг историка перед угнетенным субъектом / маргинальным текстом может состоять в воскрешении контекста. Потому что канонические тексты являются таковыми именно потому, что их контекст оказался

социально признанным и уцелел: в этом смысле победители пишут не только текст, но и контекст; они задают и фигуру, и фон. Поэтому историку проще и соблазнительней работать с мейнстримной линией развития литературы (под мейнстримом я понимаю здесь в том числе и релевантную для него периферию, к которой любили обращаться опоязовцы). А вот тексты угнетенных — даже в том случае, когда они уцелели, — вписаны в контекст, еще более стертый, чем они сами. Это стирание обусловлено тем, что условия производства этих текстов погружены в пространство социальной депривации, политического угнетения, символической репрессии. Именно поэтому они не включены в работу институтов и практик культурного хранения, монополизированную культурой победителей. В этом случае долг беньяминовского историка (оказывающегося одновременно и революционером) состоит в том, чтобы извлечь это позабытое наследие из небытия, вернуть проигравшим их место в истории.

Кстати, тут можно вспомнить еще одну традицию интереса к этому вопросу. Это то, что Джеймс Скотт¹ обозначает как «скрытый транскрипт», — понятие, которое можно приложить, например, к колониальной ситуации. Скажем, голос Калибана в «Буре» Шекспира подчиняется такому скрытому транскрипту, неизбежному для социального действия угнетенных. Любому читателю понятно, что в «Буре» главные герои — это Просперо, Миранда, младший брат Просперо, узурпировавший его трон, а также — Неаполитанский король и его сын. Но там есть еще одновременно злое и смешное чудовище Калибан. Кто он такой, этот Калибан? Он — законный владелец необитаемого острова, на котором внезапно появился преданный собственным братом Просперо. Но, чтобы это понять, нам нужно приложить к тексту особую оптику, чувствительную к эксплицитно отсутствующему контексту, вписать шекспировскую пьесу в историю Великих географических открытий и колонизации. Только тогда мы сможем увидеть Калибана не просто как посмешище и чудовище, попытавшееся овладеть невинной девушкой, но и аборигена, колониального субъекта, которого мейнстримная культура превратила в монстра.

Вспомнился и еще один теоретический момент. Судя по всему, интерес ко всему вытесненному и маргинальному был характерен для той эпохи, о которой мы говорим, читая Беньямина. В этой же связи можно вспомнить о Бахтине с его одержимостью традицией менипповой сатиры, которую он по сути определяет как некую «вторую литературу», низовую линию, вытесненную на периферию

1. Scott J. *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven and London: Yale University Press, 1990. 251 p.

культуры еще в античности, но никуда не исчезнувшую и сохраняющую энергию критики доминирующих догматов, нормативных вкусов, идеологических императивов благодаря альтернативному по отношению к официальной культуре горизонту «материально-телесного низа». Эта концепция не раз потом подвергалась критике, Бахтина упрекали в том, что он эту традицию искусственно конструирует с опорой на практически не сохранившиеся античные источники. Но это делает ее тем более интересной, тем отчетливее в ней обнажается имплицитная мессианская идея: дать голос какой-то иной — изначальной, но подавленной — народной культурной традиции, противостоящей официальному канону. От этой традиции осталось мало материальных следов, они проступают только благодаря особой аналитической чувствительности, сопоставимой с мессианской энергией спасения, пронизывающей подход Бенямина. Этот одновременно теоретический и исторический пафос — характерный симптом времени, Бенямин приходит к нему в 1930-х годах, Бахтин — в 1940-х (и с особенным подъемом в начале 1960-х — коротком периоде возвращения вытесненного и репрессированного). Почему такие разные теоретики, как Бенямин и Бахтин, были так увлечены этой задачей? Ее же пытался по-своему решать и Тынянов с его интересом к Кюхельбекеру и публикацией его рукописных текстов, оставшихся вне литературного процесса XIX века.

Степан Попов: Да, и соответственно, интерес Шкловского к Матвею Комарову...

Илья Калинин: Совершенно верно, интерес Шкловского к Матвею Комарову, Левшину и Чулкову, интерес лефововцев к рабкорам и селькорам...

Степан Попов: Мне еще интересно то, как по-разному они с этим работают. Мы можем реконструировать контекст, который существует вокруг маргинального текста, но какой именно контекст мы будем реконструировать? Контекст той репрессивной машины, которая сделала маргинальный текст маргинальным? Или тот контекст, который мы реконструируем в истории литературы для канонических текстов? Каким образом стоит эту операцию производить? Может быть, даже основываясь на тех примерах, которые мы обсуждали. Какой контекст нам нужно реконструировать, когда мы работаем с маргинальным текстом?

Мелания Калинина: Мне почему-то вспоминается Скиннер с его реконструкцией авторской интенции. Мне кажется, это очень сочетается с тем, о чем мы сегодня говорим: с тем, что у нас есть некоторые тексты, у которых утрачено представление о том, что за высказывание они собой представляют и как нам реагировать на это

высказывание. Мы как будто пытаемся реконструировать не только какой-то исторический контекст-срез, а именно иллокутивную силу этого высказывания. А нужно ли нам на самом деле это делать? И если да, то как? Это вопрос открытый, на мой взгляд. Нужно ли нам убирать историческую перспективу нашего взгляда, оставляя за текстом полную индивидуальность или нет?

Андрей Костин: Отличная реплика Мелании. Я бы хотел продолжить разговор о Беньямине и восстановлении контекста. Напомню, что Беньямин в этом тексте начинает с того, что нам сначала нужно вообразить будущее. Восстановление этого самого угнетенного — это способ связать его с будущим. Это абсолютно мистический образ. Почему здесь интересен маргинальный текст? Потому что воображение этого будущего приходит мистически, таинственно, в единственный момент и только здесь и сейчас. В полной мере вот это мистическое озарение виденья будущего, вообще говоря, невоспроизводимо. **Восстанавливая угнетенных, создавая полную линию от момента угнетения до будущего, мы пересоздаем всю историю. Я здесь скажу, что важен не столько сам контекст, сколько рассказ о другой альтернативной истории, в которой бы эта умершая традиция оказалась бы дорогой в будущее. Что за литература могла создаться там, где поэма про шахматы оказалась бы в центре поля?** Что это говорит нам о будущем, в котором мы должны скоро оказаться? Проложение кротовой норы от никогда не существовавшей литературы к современности, в которой мы увидели этого маргинала, и из современности в будущее, где что-то оказывается другим, — я читаю Беньямина так...

Это довольно хорошо соотносится с тем, как работает история литературы в конце 20-х — начале 30-х годов с большими проектами. Я специально занимался историей того, как выстраивают изучение XVIII века в конце 1920-х — начале 1930-х годов. И там есть этот проект: мы сейчас выкинем к чертям Ломоносова с Сумароковым, вытащим крестьянских и пролетарских авторов и напишем совершенно другую историю, которая будет вести, естественно, к той пролетарской литературе, которую мы сейчас создадим, к литературе будущего замечательного коммунистического общества. Ведь этой истории, которую мы сейчас рассказываем, абсолютно не нужны Ломоносов с Сумароковым. Они там оказываются маргинальными, они оказываются совершенно ненужными ключевому рассказу. То, что читается за попытками рассказывать о Комарове, и даже не столько о Комарове, как в более ранних работах Шкловского, — это то, с чем успешно борется Гуковский в 9–10 выпуске «Литературного наследства». Гуковский говорит: «Нет, у нас есть Ломоносов, Сумароков, никуда

вы от этого не уйдете. Мы знаем, как их читать, это великие авторы, их нельзя убрать в архив. Да, у нас есть крестьянские стихи, но всего этого большого поля вы выкинуть не можете». И всё, топчут ногами Святополк-Мирского в рецензии в «Лит. наследстве», а потом делают с ним буквальное уничтожение. Все, на этом все заканчивается. Здесь очень здорово то, что сказал Илья: вообще говоря, исследователей рубежа 1920–30-х годов мало занимает реальный контекст тех «низовых» текстов, которые они вытаскивают. Они знают, что есть схема, в которой у них должны появиться говорящие угнетенные, которые говорят вещи, которые они в них читают. Их очень мало занимает, что же это такое. Они видят этих угнетенных и конструируют их такими, какими они должны быть в идеальной теории. Это большая проблема, главная проблема — с тем, как работает история литературы XVIII века до сих пор с забытыми голосами, не видя вокруг контекста, а видя будущее, в котором они должны оказаться.

Илья Калинин: С одной стороны, я согласен с Андреем, с теми упреками, которые он адресуется адептам мессианского переписывания истории с точки зрения угнетенного...

Андрей Костин: Я не обвиняю, наоборот.

Илья Калинин: Да, хорошо. Но! Для меня при всех «перегибах на местах», зачастую приводящих к догматизму и тенденциозности, которые мы можем опознать за подобного рода интенциями написать новую «правильную», пролетарскую историю литературы, основанную на марксистской телеологии, во всем этом остается важный нередуцируемый остаток. Мне интересно не то, как впоследствии конструируется, пишется эта история с точки зрения условного Матвея Комарова, который пожимает руку рабкору 1920-х годов и таким образом, наконец, восстанавливает истинную историю литературы. Условно говоря, такую тенденцию можно обозначить как вульгарную реализацию того, что Беньямин понимает под мессианской задачей историка. Мне же интересна другая линия, возникающая в его тексте, — историко-материалистическая (разумеется, две эти линии переплетены между собой, но все же...). Чем должен быть занят беньяминовский исторический материалист? Он должен быть занят реконструкцией условий производства текстов, голосов, субъектностей, то есть в каком-то смысле тем, что могло бы быть названо — историко-социологической реконструкцией контекста, причем как в его материалистическом, производственном измерении, так и в перспективе отношений власти. И вот тут происходит определенный клэш, какая-то внутренняя схватка между марксизмом как социальной теорией и марксизмом как теорией революции, то есть в каком-то смысле — мессианской теории. Марксизм как социальная теория

действительно многое дает для анализа материальных условий производства, в том числе производства текстов. В этом смысле из книги Шкловского о Матвее Комарове можно извлечь много позитивного знания. При этом революционно-мессианская составляющая марксизма в целом (не только в идиосинкратическом беньяминовском марксизме, но и в марксизме классическом есть свои теологические импликации) создает силовое поле, притягивающее к себе взгляд из того будущего, в котором революционный мессия распахнет окно и войдет из трансценденции в наш мир. И тогда нам станет видно далеко во все стороны света, и тогда мы поймем, что нам не нужны Ломоносов с Сумароковым, а нужен Матвей Комаров. Именно этот, зачастую трагикомичный, энтузиазм, призывающий радикально переписать историю с точки зрения «трудящихся классов», я и называю теоретическими «перегибами на местах». Разумеется, их часто бросающаяся в глаза концептуальная несостоятельность позволяет критикам подобного рода моделей выдвигать уничтожительные аргументы в их адрес. Потому что в этих моделях действительно очень много взято от неудержимого желания, от ожидания того, чего прежде еще не бывало. Однако, характерный для такого рода попыток догматизм, а порой и невежество, не отменяет справедливость самой задачи — реконструкции / воскрешения / спасения той традиции угнетенных, о которой пишет Беньямин (точно так же, как практика «реального социализма» не подрывает самой социалистической идеи).

Андрей Костин: Отлично, Илья, большое спасибо! Тут я опять вернусь к вопросу, который задавал раньше. Значит ли вот это серьезное занятие маргинальным текстом, беньяминовское отношение к маргинальному тексту, переписывание? Все ли в конце концов спасутся? Возможно ли спасение для всех или только для избранной группы? Это очень важные вопросы. Все-таки вот эти львы, которые возлягут с агнцами, это будут специальные веганские львы или и те львы, которые едят агнцев? Можно ли вообще решить эту проблему или нет?

Степан Попов: Знаете эту задачку? Перевезите через реку волка, козу и капусту так, чтобы никто не пострадал.

Мне в Беньямине, в его проекте, кажется интересной не только мысль о спасении, но и о том, что в настоящее время написание этой истории слабых и угнетенных помогает бороться с разными формами угнетения и репрессий (Беньямин с фашизмом и так далее). И мне кажется, что именно эта перспектива политического сопротивления с помощью воскрешения угнетенных особенно важна. Мне эта перспектива очень нравится и, если понимать это положение очень широко, во многом я считаю, что этот семинар служит свою службу,

во всяком случае — борьбы против репрессирующих представлений в литературном каноне. Мы сами от них освобождаемся, а потом понесем куда-нибудь наши знания. Кто знает, к чему это приведет.

Андрей Костин: Но что меня в этом смущает: если мы создадим мир, в котором все будут читать подряд еврейские поэмы начала XIX века о шахматах, записки 15-летних дворянок о странных путешествиях из Москвы в Петербург и антиалкогольные брошюры конца XIX века, не угнетем ли мы таким образом людей, которые хотят читать замечательную историю странных любовей Евгения Онегина и Татьяны Лариной?

Степан Попов: Мне кажется, что это деятельность, которая не ведет к конечному результату, это такой постоянный разыгрываемый перформанс, который снимает с общества разные неприятные консервативные наслоения.

Андрей Костин: Вопрос в том, чего мы хотим?..

Илья Калинин: Я в этом смысле полностью разделяю пафос Степана. Мне кажется, что с канонами и так все будет в порядке. Просто потому, что общество в любом случае организовано иерархично. В социуме всегда есть центр и периферия. В этом смысле у канона есть свое, что называется, гарантированное конституцией «светлое будущее», потому что канон отражает социальную и ценностную иерархичность самого общества. По крайней мере, до построения коммунизма с канонами все будет в порядке *(сказано с шутливой интонацией)*.

А что нам в этом смысле дает практика чтения маргинальных текстов? Одновременно критическую и эмансипаторную позицию, которая выходит за пределы и филологического знания, и литературы. В этом смысле это некая революционная практика, связанная с рефлексией относительно разных форм господства и угнетения. И поскольку господство сохранится, «Евгений Онегин» как канонический текст останется вместе с ним, а также вместе с нами. Но, может стоит осуществлять еще что-то... Я бы не назвал это контркультурой в строгом смысле, хотя что-то есть в наших практиках чтения маргинальных текстов от той контркультуры, которая существовала в теоретической мысли и практиках 1960-х годов. В этой связи можно вспомнить «Группу информации по тюрьмам», которую Фуко, Видадь-Наке и другие французские интеллектуалы инициировали после поражения революции 68-го года. Чтение маргинальных текстов можно сравнить с деятельностью этой группы, если понимать тюрьму как метафору не только социального, но и символического угнетения, сквозь стены которого мы пытаемся услышать голоса заключенных.

Мелания Калинина: Я правильно понимаю, что мы не узакониваем чтение маргинальных текстов, чтобы не убить саму идею маргинальности? Получается, мы даем и каноническим текстам шансы на спасение в девятый час, потому что, если происходит чтение маргинальных текстов, то и канонические тексты обретают черты маргинальности. Они тоже спасаются таким образом от помещения на плакат по рекламе поправки в конституцию, как это было с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Степан Попов: Это вопрос такой, условно говоря, культурной революции 20-х годов. Мы пришли и думаем, что сейчас мы действительно вернем угнетенным их субъектность, и они как-то сами выстроят собственную идентичность, исходя из своего социального опыта. А оказывается, что им, как писал критик Авербах, нужны рассуждения на вечные темы, им нужен красный Лев Толстой и так далее. И в этом нет, я думаю, ничего плохого. Я не думаю, что возможно субъективироваться, получить какую-то культурную идентичность, исходя из чтения одного этого набора текстов, который у нас есть. Представьте человека, который прошел школьную программу вот по этим текстам. Я бы не стал так экспериментировать. Десятиклассники читают вместо «Войны и мира» «Две силы» Солоневича и пишут сочинение о том, почему Советскому Союзу не нужно было давать атомную бомбу...

Андрей Костин: Чем хорош Беньямин — так это тем, что все-таки он задает вопрос до конца. У него не пропадает вопрос об этом самом светлом коммунистическом будущем, его принципиальной возможности или невозможности. Беньямин пытается представить мир, в котором, в конце концов, не будет этого угнетения. Ведь если все равно постоянно будут формы угнетения, то имеет ли смысл сама по себе борьба? Зачем она?

Илья Калинин: Конечно, мы имеем эту задачу именно в качестве вечно маячащего впереди горизонта, а не практической проблемы, которая может быть решена раз и навсегда. Понимаете, мы уже живем в этом мессианском времени спасения, потому что его окно, или хотя бы форточка, может открыться в любой момент. Мы всегда живем в ситуации, внутри которой предполагается наличие этой форточки, через которую к нам войдет мессия. В этом смысле, этот мир, это время уже настали, потому что мы исходим из горизонта их возможности. С другой стороны, это время «все время» откладывается и никогда окончательно не настает.

И чтобы как-то успокоить Меланию: на ее вопрос о том, не произойдет ли некое узаконивание, кодификация маргинальных текстов, можно ответить категорическим отрицанием. У нас нет для этого

никакой власти — нет и никогда не будет. Может быть, это даже хорошо. Для нас и для всех остальных.

Андрей Костин: Вопрос еще в том, спасутся или не спасутся. Это правда чудовищно важный вопрос. И с Пушкиным, и с прочими. Они попадут туда, потому что они приняли наш путь спасения? Они войдут туда на равных? Евгений Онегин с Солоневичем войдут на равных или один из них войдет как лев, а другой как агнец? Этот лев станет вегетарианцем в этом мире спасенных или нет? Одна из форм того, что мы здесь делаем, это то, что мы создаем университетские курсы, которые предполагают, что вообще не будет никаких обязательных к чтению текстов. Преподаватель будет с помощью алеаторных методов случайным образом подбирать набор для чтения в рамках своего курса. Я беру сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века и отбираю вам 10 текстов оттуда просто с помощью костей. Что там будет, то мы и пройдем в этом курсе.

Степан Попов: Я бы на самом деле представил, что мы можем написать риторику и вообще оставить общеуниверситетские курсы без текстов. Составим просто одну большую риторику, нарежем абсолютно все тексты, которые у нас существуют, представим их в виде примеров...

Андрей Костин: Отлично! Мы начинаем задаваться вопросом, что это за светлое будущее, в которое мы должны прийти. К тому, что говорила Светлана: дело не всегда в единственном тексте, дело в том, чтобы перестроить мир, сделать его иным, и для этого есть свои способы, технологии, механизмы борьбы и так далее. Потому что без этого маргинальный текст и останется маргинальным, а наша задача состоит в том, чтобы сделать что-то иное.

Светлана Демидова: В контексте предложения создать курс на основе алеаторной тематики мне вспоминается Барт с его несуществующими курсами, посвященными созданию разных историй чтения, и этимологии, и внутренних историй наук, и вообще наук, которых никогда не было. Такое синтетическое искусство — воплотить в университете бартовскую модель чтения.

Степан Попов: У кого есть еще какие-то футуристические проекты? Можем сказать о них еще два слова. Ярмарка футуристических проектов.

Мелания Калинина: Я как человек, который преподает в школе, уже замечаю за собой болезненное желание экспериментировать... Мне кажется, интуитивно, когда преподаешь в рамках школьной программы, когда у тебя есть тексты, которые там лежат, и ты более-менее понимаешь, как они туда попали, как о них предполагается, чтобы ты о них рассказывала, и при этом у тебя

есть что-то в твоей голове, что ты прочитала и что тебе нравится, и о чем хочешь рассказать другим, то все упирается опять в вопрос высказывания — иллюкативности интенции, то есть что я донесла своим ученикам в момент обсуждения абсолютно любого текста. Это, в общем-то, осталось где-то на поверхности. К вопросу о том, что говорил Андрей Александрович, мне кажется важным верить в то, что львы будут вегетарианцами, потому что в конечном итоге можно же любить и Пушкина, и Солоневича.

Илья Калинин: Мне кажется, точно не нужно понимать текст Бенъямина как призыв к тому, чтобы бывшие угнетенные заняли место угнетателей, когда Комаров придет на место Ломоносова. И дело даже не в том, что в «счастливой России будущего» будут добрососедствовать Комаров и Ломоносов, а в том, что спасение состоит в том, что и к Пушкину, и к Слепушкину² будет применен общий диалектический материалистический анализ. На данный момент можно говорить о следующем теоретическом status quo. Описание творчества Комарова с точки зрения поэтики, выработанной на материале господствующего канона его эпохи, мало что дает, кроме обоснования его художественной несостоятельности. Напротив, совсем иные, вполне релевантные результаты возникают при его социологическом описании с точки зрения исторического материализма. Но что стоит за этой предпосылкой? С точки зрения нормативной поэтики, Ломоносов и Пушкин — настоящая литература, а Комаров и Слепушкин — какой-то треш и мусор. Поэтому первые подлежат поэтологическому описанию, а вторые — социологическому. Но в этом методологическом различии, собственно, и состоит эпистемологическое угнетение. Но когда мы и к Пушкину, и к Слепушкину применим общий для них обоих способ описания, в этом и будет состоять отмена угнетения — та революция спасения, о которой говорит Бенъямин. Речь не идет о том, что это единственно возможный метод анализа: различие между Пушкиным и Слепушкиным останется, но разрыв между ними перестанет носить репрессивный характер (гений vs экспонат поэтической кунсткамеры).

Андрей Костин: Но не значит ли это, что не будет разницы между львом и агнцем? Мы не сможем их отличить одного от другого? Не будет аппарата для того, чтобы отличить льва от агнца?

Илья Калинин: Нет, сможем, потому что условия производства текста у Пушкина и Слепушкина радикальным образом отличаются, поэтому и тексты их радикальным образом отличаются. Здесь нет никакого нивелирования.

2. Слепушкин, Фёдор Никифорович (1787–1848) — крестьянский поэт-самоучка.

Степан Попов: Мне кажется, если продолжать рассуждение Ильи Александровича, нужно все-таки еще подумать над тем, что у нас есть лев и агнец, они отличаются, но возможно ли выстроить этот светлый мир без поражения в правах льва, если он останется львом?

Андрей Костин: Да, это важный вопрос. Мы явно на него не сможем ответить, и это самое замечательное.

Мелания Калинина: Тут что-то как раз про третьи и девятые часы, про меру ответственности. Все разные, все приходят в разные часы, но итог один. Это не убирает и не уничтожает разницу между пришедшими. Это какое-то имманентное свойство и мера ответственности каждого, кто пришел.

Светлана Демидова: Да, но с другой стороны, это ставит нас перед очередной попыткой создания новой теории эстетики. Потому что, если мы предполагаем, что лев все равно остается львом, но при этом у нас остается эта категория поэтики, то у нас снова возникает проект переформулирования наших эстетических категорий. Но это тоже что-то риторическое и неразрешимое.

ДНЕВНИКИ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЩАСТНОГО. 1970–1971 ГОДЫ

Из фондов структурного подразделения «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова» Тюменского музейно-просветительского объединения. Дневники цитируются по публикации¹ Льва Боярского с его любезного разрешения. Сокращения и примечания Л. Боярского сохранены, орфография В. Щастного сохранена. Купированы имена ныне здравствующих родственников и знакомых автора дневника. Текст дневника и биографическая справка подготовлены Меланией Калининой, участницей семинара «Маргинальные тексты».

1. Боярский Л. Один год из жизни тюменского пенсионера. Ч. 1. / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019).
Боярский Л. Один год из жизни тюменского пенсионера. Ч. 2. / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019).
Боярский Л. Еще один год из жизни тюменского пенсионера / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019).

Биография

Щастный Владимир Васильевич (1894–1988) родился в семье крестьянина Виленской губернии (в наши дни большая часть территории губернии находится в составе Белоруссии, остальная — в составе Литвы). В 1905 году отец В.В. Щастного устраивается столяром на постройке Бологое-Седлецкой железной дороги, на станции Парافیново, где и остается после окончания работ служить путевым сторожем. Щастный начинает учиться примерно с девяти лет и заканчивает двухклассное сельское училище в 1911–1912 годах, а затем устраивается табельщиком дорожного мастера станции Зябки Риги-Орловской железной дороги. В 1915 году его призывают в царскую армию, отправив в Сретенск (Забайкальский край) в стрелковый батальон. Однако обучение военному делу длилось всего месяц: Щастный страдал эпилепсией и был уволен после проверки здоровья сначала в госпитале Гродно, а потом в Москве в 111 сводном эвакуационном госпитале. Мать и отец Щастного примерно в это же время были эвакуированы в Тюмень, куда направляется после увольнения и он сам, устроившись рабочим службы пути.

В 1919 году Щастный вступает в Коммунистическую партию, а с 1921 года активно вовлекается в общественно-партийную деятельность. В частности, он был нарзаседателем при губернском суде, членом бюро ячейки В.К.П. (б), членом месткома и кассы взаимопомощи. В 1924–1926 годах был избран гражданами большого и малого городища города Тюмени членом городского совета рабочих и крестьянских депутатов шестого созыва, а в 1929–1930 годах был уполномоченным Тюменского Ц.Р.К. от рабочих и служащих тюменского затона.

С 1923 года Щастный становится постоянным рабкором-репортером газеты «Трудовой набат». Его заметки были посвящены разным вопросам партийной, профсоюзной жизни, в частности работе различных местных предприятий. В 1927 году он оставляет корреспондентскую работу в связи с получением инвалидности.

Во время Второй мировой войны Щастный работает весовщиком на товарном дворе станции Тюмень, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1948 году переходит на работу сторожем (последнее место работы — гастроном № 29). В 1968 году Щастный выходит на пенсию, и именно этому периоду жизни посвящены публикуемые здесь дневники.

1970 год

16 января, пятница². Большая облачность, снег. Т. 18–10 гр. В спецполиклинике сделано вливание в правую руку. Во второй половине дня ездил в баню на улице Ленина. Когда я уже помылся и ополоснулся холодной водой, я отдал своё мыло незнакомому мне мужчине по его просьбе.

25 января, воскресенье. Опять несчастье. В 11 часов 30 минут к нам пришёл сын [имя сына — прим. редактора], лицо в крови, с затёкшим глазом. По его словам, вчера, когда он шёл на станцию, на него напали 3 человека и железным прутом разбили ему голову. В результате скорая помощь, милиция и акт, по которому надо будет уплатить 15 рублей. В 18 часов пришла медсестра, она сделала мне укол в ягодицу.

26 января, понедельник. В 10 часов посещала медсестра. Она сделала мне вливание пенецелина в правую ягодицу. Она же забинтовала раненую голову сыну. Сегодня же сын уехал домой. В 22-30 ещё раз приходила медсестра произвести вливание пенецелина в ягодицу левой ноги.

27 января, вторник. Большая облачность, снег. Т. –34–22 гр. Письмо сыну. Здравствуй, сын. Как ты доехал домой? Прошу тебя больше не позорить себя пьянкой перед семьёй и коммунистической партией. Веди себя как настоящий коммунист и встретить 100-летие со дня рождения великого Ленина хорошими показателями на работе и в быту. С коммунистическим приветом отец.

3 февраля, вторник. Н/снег. Т. –16–10 гр. Для научной библиотеки при краеведческом музее передал книгу Тобольск. Книгу написали Д. Копылов и Ю. Прибыльский хорошим литературным языком.

7 февраля, суббота. Перем. облач. Н/снег. Т. –5–6. Сегодня и вчера я на лечении в спецполиклинике, а моя Христиньюшка продолжает пьянку с неким собутыльником, которому скормила холодец за 5 руб., о чём я узнал, придя с автоостановки, найдя окурки и жену пьяной. Кто был курящий, я понял только сегодня утром. Часов в 9, я устанавливал камин, Христиньюшка ещё лежала в постели, к нам постучали. Кто там — спрашиваю я. — Я Ваня! — слышу я ответ. Толь-

2. Цвет подчеркивания соответствует цвету карандаша в рукописи В.В. Щастного.

ко я успел открыть дверь, как Ванька оказался у постели моей жены. Она быстренько одевается и уходит с ним. Когда я покончил с каминном, пошёл выяснять, куда ушла жена. Она оказалась у Шабалиной на улице Шевченко под логом. Вот с кем пропивает мою пенсию моя жена. Этот Ваня — то ли грузчик, то ли шофёр, обещает расколоть дрова. А дрова ещё неизвестно, когда будут с дровяного склада станции Тюмень. Это позор, несчастье и оскорбление для меня.

10 февраля, вторник. Малооблачно. Темп. –13–6 гр. Вчера крепко буранило. Снег, метель, в результате у дома скопилось много снега, который, несмотря на моё плохое состояние, мне пришлось убирать и сбрасывать в огород. Вместо лекарств в порядке лечения пришлось выпить водки с молоком и перцем, в результате сильный кашель успокоился.

Закончено чтение замечательной книги об Октябрьской революции глазами зарубежных участников. Это были венгры, поляки, румыны, немцы, китайцы, австрийцы, словаки, чехи, активно сражавшиеся за власть советов. И всё же пришлось принимать лекарство. Вино не может быть лечебным средством.

13 февраля, пятница. Ясная погода. Темп. 0–3 гр. Болезнь прогрессирует. Ночью и днём продолжался сильный кашель с жёлтым харчком, болит голова в лобной части, шум в ушах. От приёма лекарств толку нет. Христиньюшка мажет мне грудь скипидаром. Температура в 9 час. 37,4, в 14 часов — 37,3.

[Без даты — примечание Л. Боярского]. Коротко о здоровье. Кашель успокоился, харчек тоже. Темп. в 8 час. вечера 36,4, в 24 ч. — 36,2.

16 февраля, понедельник. Ясная погода. Темп. –5–12 гр. В спецполиклинике был на приёме у врача Исламкиной. Она признала у меня грипп и выписала таблетки кодеин-сода-терпингидрат.

20 февраля, пятница. 20–2 гр. Получил пенсию. На свою сберкнижку положил 30 руб., на книжку Христиньюшки 25 руб., уплатил за два месяца за радио один рубль, и купил 2 литра молока за 48 коп. И осталось у меня в кошельке от пенсии три рубля 54 коп.

21 февраля, суббота. Ясная погода. Темп. –20–2 гр. Христиньюшка сегодня подкрепила себя водочкой. День прошёл спокойно.

6 марта, пятница. Ясная погода. Темп. $-15-3$ гр. [имя сына — прим. редактора] пьёт. Сегодня у нас побывала внучка [имя внучки — прим. редактора]. Она рассказала о пьянстве отца. В Ялуторовском отрезвителе он уплатил 25 руб. В Тюменском отрезвителе за отдых уплачено 15 рублей. Дело очень неприятное и губительное.

8 марта, воскресенье. День праздничный, скучный. Приезжала внучка [имя внучки — прим. редактора], а бабушку притащили на руках сын и соседки Шабалиной пьяную бросили на пол в кухне. Это очень прискорбно для меня. По радио слушал радиотелевизионный фестиваль Ленин в нашей жизни. Приём лекарств продолжается, капли корвалол. Температура $37,2$.

14 марта, суббота. Ясная погода. Темп. $-9 + 2$ гр. Подвальная статья об Израиле в газете Тюменская правда 14.3.1970 г. Реакционное нутро сионизма.

25 марта, среда. Облачность с прояснением. Т. $-2+4$ гр. Весна даёт знать о себе. Сегодня пришлось неплохо поработать на водозащите, чтобы не пустить воду в подпол. Вынесено из ограды 60 ведер, вычерпывалась вода банкой с переливом в ведро. В спецполиклинике. Сегодня Христиньюшке назначили вливания в ягодицу от ушной боли. Новое время № 12, 1970 г. Происки империализма в Индокитае. Фашистский закон. Союз монополий и военщины в США.

30 марта, понедельник. Пер. обл. $-2+2$ гр. Проведена беседа с ученицей 5 класса средней школы № 30 [имя девочки — прим. редактора] и даны ей в подарок журналы «Наш современник» за 1969 год. [Подпись девочки — прим. Л. Боярского]. При вручении журналов посоветовал ей завести свой дневник.

А Христиньюшка все эти дни выпивает в тихомолку. Это я выявил сегодня. Обнаружил 2 поллитры из-под водки.

11 апреля, суббота. Сплошная облачность, без существенных осадков, темп. $+2-6$ гр. Сегодня начата весенняя уборка. Вымыты потолки в обеих комнатах и кухне, произведена побелка известкой капитальных стен и русской печи. Побелку произвела Христиньюшка. Сегодня Всесоюзный коммунистический субботник!

17 апреля, пятница. Малооблачно, $-5+1$ гр. Съездил в машиностроительный техникум, чтобы узнать, как учится внучка [имя внучки — прим. редактора]. И вот что узнал — в марте пропустила 32 часа.

За прошлый семестр не сдала экзамен по технологии и не сдала зачёт по строительным конструкциям. Зав. дневным отделением Боровинский А.Я. составил отзыв об успеваемости и задолженности [имя внучки — прим. редактора]. [Переписан в дневник — прим. Л. Боярского]. Данный документ в подлиннике я отправил заказным письмом матери [имя внучки — прим. редактора].

В 16 часов к нам пришла [имя внучки — прим. редактора] и с ней был внушительный разговор о необходимости исправить свои ошибки в учёбе.

18 апреля, суббота. Ясная погода, т. 0+2 гр. Сильная боль в груди. Принимал сахар и запивал водой. От еды отказался из-за тошноты. По пригласительному билету пришлось быть участником торжественного заседания, посвящённого 100-летию со дня рождения Ленина.

22 апреля, среда. Переменная обл. –10–2 гр. Митинг у памятника В.И. Ленина. Открыт памятник тов. Щербиной Б.Е. при участии большого участия трудящихся Тюмени. Сегодняшней знаменательной дате посвящены все газеты СССР. Написал письмо в Калининский райком КПСС об обыске у меня в ночь с 19 на 20 апреля милицией в числе 2 человек с собакой. Пятый день продолжается беспросыпная пьянка Христиньюшки. Это беда и несчастье домашнего быта.

[Пропуск при расшифровке дневника — прим. редактора].

23 июля, четверг. Небольшая обл., +18–30 гр. Пьянка Христиньюшки продолжается. Некоторое время прошло с того времени, когда Христиньюшка решила разводить цыплят. Накупила 23 штуки, из коих к сегодняшнему дню оставались 5 штук, остальные перемерли. Сегодня своих цыплят продали, деньги ушли на водку.

25 июля, суббота. Переменная облачность, дождь. Темп. +15–28 гр. Пять рублей на сберкнижке. Литр красного вина из гастронома № 28. Пьянка Христиньюшки продолжается. Прочитаны записки снайпера Василия Зайцева За Волгой земли для нас не было. В своих записках Зайцев ведёт рассказ о боевых действиях против фашистов за изгнание из Сталинграда.

24 августа, понедельник. Внучка [имя внучки — прим. редактора] выходит замуж. Так сказала она нам, зайдя в гости со своим кавалером [имя жениха внучки — прим. редактора]. Свадьба будет в Голышманово.

2 сентября, среда. Значительная облачность, неб. дождь. +5–16 гр. Внучка [имя внучки — прим. редактора] 29 августа 1970 года вышла замуж за [имя мужа внучки — прим. редактора], 1950 года рождения. После регистрации брака [имя внучки — прим. редактора] присвоена фамилия мужа [фамилия мужа — прим. редактора]. Свидетельство о браке № [номер свидетельства о браке — прим. редактора] от 29.08.1970 г.

12 сентября, суббота. Малооблачно. Т. 8–27 гр. Неприятности продолжаются. Сегодня пьянка Христиньюшки омрачила приход к нам моих братьев. Как на меня, так и на моих братьев очень нерадостно из-за её безцензурных сквернословий. В результате мы с братьями побеседовали в ограде. Соседям Михаилу с Марией на добрую память передано две глубоких и две мелких тарелок.

13 сентября, воскресенье. Малооблачно. Т. +6–29–18 гр. Вчера в 17 часов я с Христиньюшкой пошёл в сберкассу, чтобы снять с книжки 10 рублей, когда вернулись, оказалось, что в доме во всю орёт магнитофон. Внучка со своим муженьком пришли без нас, сорвав замок, ворвались в дом. Вечером они сбросили плитку со стола включенной, в результате чего сломался выключатель. Сегодня пришлось поставить новый выключатель и отремонтировать плитку, на что был приглашен сосед. Работа была оплачена картофелем, по два ведра стоимостью 2 рубля.

14 сентября, понедельник. Малооблачно Темп. +10–23 гр. Письмо сыну. *Здравствуй добрый день дорогой [имя сына — прим. редактора]! С приветом к тебе твой отец и мать. Третий год внучка [имя внучки — прим. редактора] живёт в Тюмени студенткой машиностроительного техникума. Учебу провалила из-за прогулов, вышла замуж за отчисленного из индустриального института [имя мужа — прим. редактора] проживающего по прописке в деревне Плеханово Роцинского сельсовета, военнообязанного, работающего вагоновожатым пассажирских поездов. Жить он должен по месту прописки, а не где придётся. 13 сентября [имя внучки — прим. редактора] пришла к нам в дом со своим [имя мужа — прим. редактора] и этот последний нас совсем обидел. И это не первый случай. Был случай, когда [имя внучки — прим. редактора] сидела на табурете, положив ноги на окно и стучала по столу, грозясь бабушке, что она, а не бабушка является хозяйкой дома. [имя мужа — прим. редактора] курит папиросы по 40 коп. за штуку. Не забывай [имя сына — прим. редактора] твой отец нервно больной, я за себя не ручаюсь.*

23.9. Нас попроведал сын [имя сына — прим. редактора] по моему письму от 14 сентября. Капитально починил проводку, нарушенную [имя внучки — прим. редактора] со своим [имя мужа внучки — прим. редактора]. Хотел остаться до завтра, но уехал в Ялуторовск, обидевшись на мать, за то, что она ударила его своим туфлем по лицу. [Имя сына — прим. редактора] играл на гитаре и пел песни. Я подарил [имя сына — прим. редактора] книгу Ленин с нами. Книга в двух местах о связи Ленина с тюменским подпольем.

2 октября, пятница. Сегодня я был в доме пенсионеров, близко ознакомился со всей обстановкой. Заселение дома будет 10–15 октября.

4 октября, воскресенье. Переменная облачность. –6+3 гр. Попроведал брата Петра с Лидой. Отведал маленько луку свёклы и солёных помидор. Поделились домашне-бытовыми делами о предстоящем заселении в доме пенсионеров, что против меня решила жена Христиньюшка. Мне же ни в коем случае от заселения отказаться невозможно, а то наш парторг товарищ Торчаков Всеволод Яковлевич мне сказал, что комнату в пансионате мне предоставили по решению обкома партии и отказываться нельзя. После ухода моего из дома Христиньюшка купила пол-литра водки. К моему приходу была пьяная. Таковы наши семейные дела.

Сегодня. После вчерашней выпивки Христиньюшка всю ночь не спала и вела очень плохо, допивая свою зубровку. Сегодня весь день лежала в постели. Сегодня же, 5.10.1970 г. начал читать книгу Владимир Ильич Ленин. Биография.

14 октября, среда. Большая облачность, б/с ос. Т. +4–6 гр. За последние дни сырая погода, на улицах грязь. После продажи домашних вещей (1 мал. 3-х литр. чайник и 2 эмалиров. кастрюли проданы соседям за 7 руб.) Христиньюшка продолжает выпивать, а сегодня где-то в пьяном виде вывалялась в грязи, пришла домой в очень неприглядном виде.

15 октября, четверг. А сегодня Христиньюшка сама пошла в гастроном № 29 по хлеб. Куплено: хлеб, виноград полкило и 0,5 л. водки. Вместе с Х. пришла некая старуха, зарекомендовавшая себя дружинницей, много курящей папирасы, с поллитрой красного вина. Обе старухи часа полтора веселились, распевали песенки, потом гостья ушла, а Христиньюшка ещё час сквернословила. Я вынужден побеседовать о своём положении с секретарём нашей партоганизации.

23 октября, пятница. Дождь, +6+15. Капуста изрезана на спецмашине и засолена со всеми вкусовыми пряностями в бочке. Получено письмо от сына [имя сына — прим. редактора], см. вкладку [вклеено письмо — прим. Л. Боярского].

2 ноября, понедельник. Большая облачность. Сегодня, в 20 часов, когда я лежал в постели уже, меня крепко передернуло. К счастью не произошло эпилептического припадка. Да и нервность даёт знать о себе. Письмо работникам сберкассы. *Уважаемые работники сберкассы. Я являюсь вкладчиком вашей сберкассы с 8.8.1951 г. С того дня для меня сберкасса является лучшим другом, и меня можно признать самым частым клиентом по приходу и расходу своих сбережений. Я всегда был и остаюсь доволен хорошей работой всех работниц сберкассы с августа 1951 года. Успехов вам в труде, крепкого здоровья и всего хорошего. Вкладчик В. Щастный.*

7 ноября, суббота. Большая облачность, снег. Темп. 11–7–6 гр. Под знаменем Октября — к победе коммунизма! В Тюм. правде прочитал доклад т-ща Сулова на торжественном заседании, посвященном 43-й годовщине Великой октябрьской социалистической революции. По радио в 12 часов слушал праздничную демонстрацию на Красной площади в честь Великого Октября. Получены праздничные приветствия от Александровой Н.З, Рощевских, Губинской Р.М., сына [имя сына — прим. редактора], брата Петра и брата Виктора, сестры Сони.

9 ноября, понедельник. Большая облачность, снег, метель. Т. –11 гр. Зима вступает в свои права. Продолжает идти снег с метелями, сегодня уже пришлось брать в руки метлу и лопату. Начинается снегоборьба в ограде, прочищены проходы к воротам в огород, сделана завалинка у дома. Итак, началась сибирская зима.

19 ноября, четверг. Ясная погода, темп. –27–17 гр. По-видимому, в последней декаде ноября мы переселимся в дом пенсионеров на ул. Минской, 86, а в нашем домике останется внучка [имя внучки — прим. редактора] с [имя мужа внучки — прим. редактора]. Сегодня выяснилось, что внучка [имя внучки — прим. редактора] работает в Облоно с продолжением учёбы в маш-стр. техникуме.

24 ноября, вторник. Переменная облачность, б/с ос., –4–3 гр. В 17 часов в красном уголке станции Тюмень состоялось партийное собрание коммунистов станции. По рекомендации горкома ВЛКСМ

приняты в кандидаты КПСС тов. Егорова, Муромцева и Сеницын. Избраны делегаты на узловую партконференцию 19 человек. Все делегаты при тайном голосовании избраны единогласно. Письмо сыну. Здравствуйте, [имя сына — прим. редактора] и [имя жены сына — прим. редактора], с приветом к Вам отец и мать. Наше состояние удовлетворительное. Дом решили не продавать, пусть в нем живут на здоровье внучка [имя внучки — прим. редактора] со своим мужем. Окончательно переедут в субботу со своими вещами. Дорогой [имя сына — прим. редактора]! Поскольку наш дом не будет продан и жить в нём будут наши внучата, просим тебя отдать нам сорок рублей. С приветом отец и мать.

25 ноября, среда. Переменная облачность. Т. –7–10 гр. По телефону разговор с сыном. С хладопункта станции Тюмень я вызвал дом связи Ялуторовска и сообщил [имя сына — прим. редактора] о получении путёвок в дом пенсионеров на меня и мать, срок вселения до 1 декабря 1970 года. [имя сына — прим. редактора] обещал приехать на поезде.

26 ноября, четверг. Туман, переменная облачность. Т. 11–12 гр. Прокатился на автобусе в краеведческий музей. Отдал зав. научной библиотекой М.П. Черепановой карточки, заполненные мною на газетные статьи и очерки с памятной запиской, что я приостановил ведение картотеки в виду предстоящего перехода моего в дом пенсионеров. Прочитан журнал «За рубежом» № 45 1970 г. Путь Анджелы Дэвис. Террором, насилием, судебным произволом пытаются власти Америки подавить движение против американской агрессии в Юго-Восточной Азии, задушить всякое проявление инакомыслия.

27 ноября, пятница. Большой снег, метель. Темп. –7–6 гр. Сегодня внук [имя мужа внучки — прим. редактора] на такси в 9 часов отвез меня и Христинюшку в дом интернат. Перевезена вся имеющаяся у меня литература — книги, журналы и газеты. После медпроверки я получил ключи от комнаты № 5 на втором этаже, оборудованной двумя кроватями. После ознакомления с комнатой, Христинюшка с [имя мужа внучки — прим. редактора] уехали домой, а я остался на месте.

28 ноября, суббота. Переменная облачность, Т. –8–6 гр. Второй день в доме интернате. В столовой питание хорошее. Завтрак — яичница, чай, хлеб, масло. Обед — суп мясной, рыба с картофельным пюре, кисель. Ужин — гречневая каша с маслом, кисель, печенье. Сегодня Христинюшка на такси в сопровождении внучки [имя внучки — прим. редактора] переехала окончательно в дом интернат. Привез-

ла подушки, дорожку на пол, часы настольные мои. 50 лет Советской Армии. Смотрел по телевизору выступление тов. Л.И. Брежнева.

16 декабря, среда. На улицах по асфальту гололёд. Т. –28–24 гр. Сегодня ветераны труда прослушали в зале киносеансов лекцию, прочитанную лектором Обкома КПСС о международном положении. А в это же время, Христинюшка сходила в магазин за водкой, выпила и в результате непристойно себя вела во время обеда в столовой, не забывая сквернословить. Сегодняшняя пьянка, бранные бесцензурные слова кончились тем, что директор дома интерната сказал прямо — с завтрашнего дня вас приказом исключают из интерната. В результате сегодня же моя жёнушка уехала в свой дом на ул. Революции, № 14, к внучке [имя внучки — прим. редактора], увезя свои вещи и двое моих брюк на такси. Примечание. Несколько раз ударив меня в минуты расставания, всё же потом поцеловала меня и мы троекратно поцеловали друг друга. Наблюдатели рассмеялись.

1971 год. Часть первая

6 января. Христинюшка приезжала ко мне за деньгами. Денег я ей не дал, в результате чего уехала домой, не забыв проявить своё сверхплохое поведение.

11 января. Вынужден был обратиться к директору интерната тов. Тимохину Семёну Никитичу с просьбой дать приказ по охране, чтобы мою жену Щастную Христину не пропускали в дверь ввиду её крайне плохого и непростительно плохого поведения, как для меня, так и для всех ветеранов труда, живущих в доме-интернате. С.Н. обещал удовлетворить мою просьбу.

12 января. В 10 часов Александра Фёдоровна попросила меня закрыть форточку после проветривания её комнаты. Только я успел закрыть форточку, сообщили, что приехала моя жена. Я отказался от встречи с женой, попросив сказать, что, я уехал в город. После я пришёл в кабинет директора и ещё раз попросил о недопуске моей жены.

13 января. Маленько о погоде. В декабре 1970 — январе 1971 года погода стояла с умеренными морозами и только.

14 января. Мороз перескочил за тридцать. После обеда, сразу после обеда, по приглашению кладовщика переносил посуду — та-

релки, фарфоровые чайники, кастрюли, противни и прочие товары в складочное помещение в подвале дома ветеранов труда. Работа продолжалась один час тридцать минут.

За время пребывания моём в доме ветеранов труда мной получены: комнатные туфли, кальсоны, трусы мужские, две сорочки, носки.

Примечание: костюм шерстяной — см. страницу 8 настоящей тетради.

16 января, суббота. Малооблачно, темп. 29–28–36 гр. Сегодня попроведали меня. Я сидел в кресле и слушал радиопередачи последние известия в 10 часов. Но вот дверь в мою комнату открывается, пришла внучка [имя внучки — прим. редактора] с мужем [имя мужа внучки — прим. редактора], что для меня составило приятное явление. Мы побеседовали полчаса. Дал [имя внучки — прим. редактора] один рубль для покупки мне общей тетради. Она приходила ко мне с письмом бабушки, которое я изорвал. В 13 часов проводил своих гостей, угостив их медовыми конфетами.

17 января, воскресенье. Малооблачно, темп. 33–27 гр. Моя прогулка. Хотя морозная погода, но маловетренная, почему я решил совершить прогулку на ул. Елизарова к брату Виктору после завтрака. Расстояние от дома ветеранов труда, где я живу, до дома Виктора, прошёл за 15 минут. Виктора дома не было. С женой Виктора пили чай, беседовали на житейские темы.

18 января, понедельник. Переменная облачность, неб. снег. Т. –15–7 гр. Политинформация в кинозале. Тов. Еременко прочёл в газете «Правда» за 15 января статью «Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии».

[Пропуск при расшифровке дневника — прим. редактора].

19 января, вторник. В 7 часов слушал последние известия по радио. В 7 часов 30 минут встаю, одеваюсь, привожу в порядок свою постель, умываюсь и иду в 15-ю комнату, где живёт друг Мартынов Николай Васильевич. Он больной, слабый, поэтому я его ежедневно проведываю не менее одного раза. У Н.В. я нахожусь до 8 часов 35 минут, напомнив другу, что сейчас принесут ему завтрак, я иду в столовую завтракать. Успев позавтракать раньше меня, ко мне подходит тов. Кочерова Александра Фёдоровна со словами, где Владимир Васильевич был? Я до завтрака был у Н.В., он сидит на своей кровати, обернувшись одеялом, отвечаю я. Мало ли что может случиться

с Вами из-за сильного кашля, отвечает А.Ф. Я благодарю ея за внимание. Подошло время обеда 13 часов. Я помогаю другу подняться с кресла, он чувствует себя слабым, мне его жалко, я, невольно прослезившись, целую друга и веду его в свою комнату. Вот как получается настоящая человеческая взаимосвязь дружеская. Как непохожа в последние годы моя семейная жизнь с Христинюшкой из-за ея любви к пьянке с сыном [имя сына — прим. редактора]. Однажды он сказал мне: «Давай мне, отец, сорок рублей, [имена внуков В.В. Щастного — прим. редактора] проводить в Ригу». Делать нечего пришлось дать — пусть учатся внуки в лётном училище.

Примечание. Сын [имя сына — прим. редактора] по образованию техник-связист, получает 120 рублей зарплаты, коммунист. Жена его [имя жены сына — прим. редактора] с зарплатой соответственной учительской работе. Да, я счастлив и благодарен советскому правительству за возможность пенсионерам отдыхать и спокойно жить в домах интернатах.

21 января, четверг. Внучка [имя внучки — прим. редактора] выполнила мою просьбу. Переменная облачность, темп. –3–8 гр. Товарищ Кочетков Дмитрий Ильич сегодня попроведал по-дружески, по-коммунистически, по-товарищески тов. Мартынова Николая Васильевича, а затем зашёл ко мне. Беседовали минут 30. Я познакомил друга с содержанием писем от моей сестры Сони и с моим письмом Соне [эти и другие письма переписаны полностью, письма от родных вклеены в дневник — прим. Л.Боярского]. Сегодня внучка в 19 часов 30 минут привезла мне три общие тетради по 48 листов стоимость по 14 копеек. Спасибо. Щастный [подпись — прим. Л. Боярского].

22 января, пятница. Переменная облачность, темп. –5–0–2 гр. Врач Чернова Валентина Александровна выписала мне капли, 5 раз на спину накладывать горчичники и вливание лекарств путём уколов в вену рук.

23 января, суббота. Значительная облачность, темп. –4–3 гр. После завтрака на автобусе прокатился до музея и передал книги зав. научной библиотекой тов. Черепановой Марии Петровне. Книги от меня приняты с благодарностью. После в беседе с Марией Петровной и Долгушиной Анной Андреевной я рассказал им о своём жизненном пути за последние два месяца.

25 января, понедельник. Сделал подписку на журналы 1971 года.

1. Проблемы мира и социализма.
2. Агитатор ЦК КПСС.

Получена пижама от сестры-хозяйки Мамаевой Зои Григорьевны.

27 января, среда. Облачность с прояснениями. Темп. –8–2 гр. В порядке очереди дежурил в вестибюле у входных дверей. В порядке взаимопомощи тов. Быковой А.Ю., больной, комната № 19, помог получить посылку с почт. отд. 27. Оформление документально произведено в комнате Быковой, чему она осталась довольна по отношению ко мне и работникам почты.

28 января, четверг. Темп. –1–0 гр. Получены перчатки и шёлковая рубаха от сестры-хозяйки. Стоимость рубахи 4 р. 05 коп.

31 января, воскресенье. Малооблачно. Темп. –12–5–7 гр. В третий раз пришли ко мне брат Виктор с Милитиной. Они угостили меня помидорами. Маленько побеседовали. Они довольны моим решением остаться в доме ветеранов труда.

1 февраля, понедельник. Туман. Памятная записка врачу Черно-вой В.А. У нас в доме-интернате живёт много людей с плохим состоянием зубов, в результате чего плохо пережёвывается, переваривается в желудке пища. Просьба обратить Ваше внимание на приготовление мясных блюд из языков и сердец, кои надо пропускать через мясорубку. По-моему это мероприятие позволит полностью использовать мясные блюда. Щастный.

Примечание. 31 января к ужину было подано блюдо — мясо, пропущенное через машинку, но недостаточно прожаренное, в результате кое-кто проносили. Получилось и со мной в первый раз с 27 ноября — даты моего появления в доме.

Дружеская помощь. Сегодня 1 февраля я заходил к больному другу Мартынову Н.В. и находил его спящим. Прихожу в четвёртый раз и нахожу его лежащим на полу головой к окну. Тут же лежит поваленный стул. Я приглашаю из 14 комнаты Константинова Т.К. и мы вдвоём поднимаем Н.В. на кровать. Я укрываю друга его пальто. На мой вопрос, долго ли он лежал на полу, Н.В. отвечает: часа два. Да, плохо у моего друга со здоровьем, плохо.

8 февраля, понедельник. Перем обл неб снег т–13–7–12 гр. [Пропуск при расшифровке части текста дневника — прим. редактора] Мартынов Н.В. сегодня из больницы привезён домой и помещён в свою комнату.

Примечание. Мартынов был в больнице на ул. Щорса.

15 февраля, понедельник. Значит обл снег метель т–20–12–14 гр. Политинформация. Потехин С.Н. информировал нас после завтрака в кинозале о международном положении, о подписании договора о запрещении размещения на дне морей и океанов ядерного оружия. Об успешном полёте на Луну космонавтов С. Руса, А. Шепарда, Э. Митчелл. Астронавты вернулись на землю 10.2.1971 г.

16 февраля, вторник. Переменная облачность метель т–25–15–17. В Лаосе сбито 89 самолётов и вертолётов США. Выведено из строя более 1500 солдат, уничтожено более 50 танков и других машин.

19 февраля, пятница. Ясная погода, темп. –28–18–22 гр. В первый раз прогулка по корридору после возвращения из больницы Мартынова Н.В. С помощью меня сегодня сделали прогулку. Трижды прошлись. Для общего ознакомления прочитана статья В. Большакова «Антисоветизм — профессия сионистов». Возмутительно, что в правительственных кругах США, Бельгии и других стран орудуют сионистские штурмовики.

20 февраля, суббота. Облачность. Темп. –22–14–16 гр. В первый раз в жизни в троллейбусе прокатился в аптеку на улице Ленина за таблетками от головной боли для Александры Фёдоровны Кочеровой. Стоял вахтёром в вестибюле с 14 до 18 часов. В порядке громкой читки прочитан журнал «Звезда». По просьбе тов. Кочеровой А.Ф. сходил в гастроном, купил колбасы 200 гр. И конфет 200 гр. Всего 96 коп.

22 февраля, понедельник. Переменная облачность, темп. 29 гр. На нервной почве ночью меня два раза передёрнуло. Явился зуд по коже, в результате чего пришлось намазывать мазью руки и поясицу.

3 марта, среда. Ясная погода. Темп. –36–34–22 гр. Здоровье друга Мартынова улучшается.

Постепенно здоровье Николая Васильевича улучшается. Он понемногу начинает ходить с тростью без посторонней помощи, а сегодня он решил постричься. Сегодня среда — день работы парикмахера. И вот мы с моим другом потихоньку спускаемся по лестнице со второго этажа на первый, подходим к парикмахеру, который производит стрижку волос моего друга, освежает его одеколоном и мы потихоньку, поблагодарив товарищей за пропуск нас без очереди, поднимаемся на второй этаж, заходим в комнату.

Итак, всё в порядке, я и Николай Васильевич довольны.

5 марта, пятница. Переменная облачность. Темп. 25–9–11 гр. На нервной почве зачесалась кожа, днём зуда уже не было.

6 марта, суббота. Ясная погода, темпер –25–8–13 гр. Сегодня по состоянию своего здоровья я не смог быть участником XIV-й областной партконференции. Делегаты заслушали доклад второго секретаря Г.П. Богомякова о проекте директив по пятилетнему развитию народного хозяйства СССР.

[Пропуск при расшифровке дневника — прим. редактора].

8 марта, понедельник. Облачность, темп –16–7 гр. Счастливо и жизнерадостно встретили свой праздник женщины, живущие в доме ветеранов труда, проводя свою старость в радость с большой благодарностью коммунистической партии и советскому правительству за свою заботу о людях, имеющих за своими плечами большой трудный путь. Я приветствовал всех женщин от имени себя. Сегодня была моей гостьей и жена Христинюшка. Она привезла мне фуражку. Я после завтрака проводил её домой на автобусе № 15 — кольце и привёз свою чайную ложку.

9 марта, вторник. Ясная погода. Темп 17–8–10 гр. По газете «Правда» о событиях в Индокитае. Пираты США В 1970-м году по различным данным в 29 провинциях Вьетнама уничтожили ядохимикатами 71500 гектаров земли, 27500 мирных жителей. Патриотами сбито 253 вертолёт и самолёт, выведено из строя 5600 солдат противника. Потоплены 4 судна, захвачено большое количество военного оружия.

10 марта, среда. Со здоровьем неважно. Ночью и днём сильно колотило ноги. В первый раз за время моего пребывания в доме ветеранов труда, я не съел полностью второе блюдо — мясную котлету. Продолжается кашель.

15 марта, понедельник. Облачно с прояснениями. Темп –6–4–6 гр. Сегодня по заданию доктора исторических наук Павла Ивановича Рощевского у меня были студенты 2 курса группы Б пединститута Шорохова Галина Петровна и Терентьева Анна Александровна. Студентки сделали со слов моих записи о моём детстве, учёбе в 2-х классном училище, о моей жизнедеятельности до 20-х годов, партработе, корреспондентской работе. Я отдал свою памятную книжку моих записей в период охраны магазина гастронома № 29.

[Пропуск при расшифровке дневника — прим. редактора].

16 марта, вторник. Облачно с прояснениями. Темп 6–4–6 гр. Со склада сестры-хозяйки получены кепи мужская серая цена 3 р. 40 коп., ботинки утеплённые кожаные.

19 марта, пятница. Малооблачно. Темп. –4–0–2 гр. Слушал по радио из Москвы в 23 ч. Моск. вр. песни парижской коммуны. Песни исполнялись на французском языке с пояснениями на русском языке.

22 марта, понедельник. Малооблачно, темп. 1+2 гр. [Пропуск при расшифровке части текста дневника — прим. редактора]. Христинюшка попровела меня. В 8 часов 22 марта она привезла мне носки хлопчатобумажные без резинок и брусничного варенья 500 гр. Я дал Христинюшке 3 рубля и печенья 500 гр.

27 марта, суббота. Малооблачно. Темп. 11–0–2 гр. Концерт школьников 37 школы г. Тюмени состоялся сегодня в кинозале нашего интерната ветеранов труда в 11 часов. Обеспечиваемые остались очень довольны и горячо аплодировали учащейся молодёжи. Моя прогулка. Пользуясь хорошей погодой, сделал прогулку на улицу Елизарова к братцу Виктору.

1971 год. Часть вторая.

13 июня, воскресенье. Перем. обл. Тем. 18. Сегодня все на выборы. Сегодня у нас в библиотеке дома интерната ветеранов труда, как и во всех избирательных участках Тюменской области, состоялись выборы депутатов Российской Федерации. Все обеспечиваемые дома-интерната дружно отдали свои голоса за победу блока коммунистов и беспартийных. Полёт станции «Салют» продолжается. Самочувствие хорошее, сообщает замминистра здравоохранения СССР. Важно установить, как реагирует организм человека на различные неблагоприятные космические факторы. Прокатились на автобусе. Я, Новосёлов Агапий Алексеевич с женой Анной Ивановной после обеда решили посмотреть зоопарк передвижной на пароходе «Роза Люксембург», стоящий на реке Туре вблизи от музея краеведческого. В этом плавучем зоопарке есть порядочно разных птиц и зверей. Желающих познакомиться с зоопарком очень много, взрослых и детей, молодёжи и пожилых людей. Стоимость билетов 40 коп. Подход к пароходу очень неудобный, но это не мешает смотреть на зверей.

14 июня, понедельник. Переменная облачность. Темп. +15+26 гр. Приятные новости для меня и друга. Полёт станции «Салют» продолжается. Космическая генетика в полёте. К тайнам галактики. Репортаж из центра управления полётами спецкора «Правды». 100 витков Салюта вокруг Земли. Мимо, не везёт. Проверены мои лотерейные билеты 3-го выпуска денежно-вещевой лотереи 1971 г. РСФСР номера серий 16771 16795 и 19900. Не попавшие в число счастливых. Ну и что — пусть будет так. Я с этим согласен. В. Щастный.

17 июня, четверг. Переменная облачность. Темп. +20+30 гр. В спецполиклинике был на приёме у глазного врача Урванцевой Эммы Карповны. Выписаны лекарства: глазные капли йодистый калий в оба глаза, в течении месяца. Приятные новости для меня и друга. Правда 16 июня. Полёт станции «Салют» продолжается. Вахта в космосе. Эксперименты продолжаются. Опубликованы секретные документы Пентагона. Сенатор Макговерн: раскрывается история невероятно-го обмана, переполох в официальных кругах Вашингтона. Это для меня печально. Врач Урванцева выписала рецепт на глазные капли. Это хорошо. Но вот что меня опечалило. Она вычеркнула в рецепте слова «персональный пенсионер республиканского значения». Ник как не могу понять, что творится вокруг меня?

22 июня, вторник. Значительная облачность. Темп. +18+24 гр. Начинаем прогулки с другом Мартыновым. С сегодняшнего дня Николай Васильевич будет делать прогулки под моим наблюдением. Чтение газет продолжается. Снежный ком разоблачений. Телеграммы из Оттавы, Нью-Йорка и Вашингтона. Новые разоблачающие документы.

25 июня, пятница. Переменная облачность. Темп. +16+25 гр. Вчера и сегодня прогулка друга Мартынова не состоялась. Его слабое самочувствие. Но его ознакомление с газетой «Правда» продолжается. Сенат потребовал вывести войска США из Индокитая в течении девяти месяцев. Эдвард Кеннеди обвинил администрацию в обмане.

26 июня, суббота. Переменная облачность. Темп. +14+26 гр. Сфотографировались. Сегодня к 18 часам ко мне приехала на автобусе Христинюшка и после завтрака мы сделали прогулку на ул. Мельникайте в надежде найти фотосалон комбината Бытового обслуживания, где и фотографировались на фото. Уплочено за 4 штуки два рубля 80 коп. Квитанция № 437612. Салют в полёте. Самочувствие космонавтов хорошее. Сегодня друг Мартынов опять не смог пойти на прогулке по корридору. Кое-как раза два прошёл по своей комнате. Это печально для меня.

30 июня, среда. Большая облачность, без существенных осадков. Т. +13+21 гр. Научная станция «Салют» продолжает полёт. Соперничая с солнцем. Спецкор «Правды» о том, как работают сейчас сибирские нефтяники, о новых направлениях в развитии нефтедобычи в Тюменской области. То, чего опасался Белый дом, случилось. Бушующий скандал в правящих кругах Америки. Стало очевидно, что история с пентагоновскими бумагами во многом изменит положение вещей в Вашингтоне. Букет цветов. Вечером в 21 час мною получен букет цветов живых от девочек 17 средней школы.

2 июля, пятница. Ясная погода. Темп. +12+21 гр. [В траурной рамке — прим. Л. Боярского]. Вчера после завершения программы полёта пилотируемой орбитальной станции «Салют» при возвращении на землю погибли командир экипажа «Союз» Г.Т. Добровольский, бортинженер В.Н. Волков, инженер-испытатель В.И. Пацаев.

[Пропуск при расшифровке дневника — прим. редактора].

2 сентября, четверг. Ясная погода, т. +9+22 гр. Кинокартина «Юность Максима» сегодня просмотрена в кинозале обеспечиваемыми. Первый банный день сегодня у нас после полуторамесячного перерыва, по случаю отсутствия горячей воды в виду бывшего ремонта на ТЭЦ. Кошмары Америки. О преступности в Соединённых штатах, статья Новое время, № 35. Ещё у нас не хватает санитаров. В результате нет ночных дежурств как таковых, а поэтому я взял на себя обязанность с прошлой ночи следить за своим другом Мартыновым Н.В. в результате его болезни. Ночью ключ от его комнаты у меня.

4 сентября, суббота. Туман, дождь. +12+23 гр. Головная боль у меня и у моего друга Мартынова Н.В.

16 сентября, среда. Ясная погода. Темп. +11+24 гр. Самочувствие плохое. Слушал по радио — Доллар и американский фашизм.

20 сентября, понедельник. Пер облачность. Темп. +8+22 гр. Заполнил талоны пенсионных книжек на получение пенсии за сентябрь месяц себе и Нечаевой Ф.И., Спасенниковой А.Д., Мартынову Н.В. Для последнего по доверенности я получаю пенсию постоянно. Спасенникову сопровождал пешком в гастроном и обратно, где она покупала продукты: копчёную рыбу, конфеты, печенье, чай, мыло. После обеда прокатился на автобусе.

21 сентября, вторник. Ночью дождь, днём переменная облачность. Т. +8+17 гр. Кочакову А.Ф. проводил пешком — на автобусе — пешком к её племяннице Барш ул. Володарского 58 кв. 17. Прочитана замечательная книжка С.Ю. Багоцкий «О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии». Это всестороннее освещение многогранной деятельности В.И. Ленина в предреволюционный период.

23 сентября, четверг. Пер обл дождь темп +10+19 гр. Внуки [имена внуков — прим. редактора] зашли ко мне. Они сегодня на самолёте в 16 часов улетели в Ригу, где будут продолжать учёбу в авиационном училище. Я пожелал внукам стараться учиться хорошо и отлично, внимательно выполнять задания на практике. Со здоровьем у меня не ладно, боль в горле и груди, пришлось отказаться от обеда, на ужин только выпил стакан молока.

За 26 сентября. Письмо сыну [имя сына — прим. редактора]. *Здравствуйте, дорогие мои. С приветом к Вам отец. Какие предприняты меры в отношении вашей дочери [имя внучки — прим. редактора] с её мужем, о чём я просил вас в своём письме от 22 сентября? Сегодня бабушка приехала, говорила — издевательства продолжаются со стороны внучки и её мужа. Выдумывают новые словечки. «Бабушка-фашистка». Кто дал право давить бабушку-старушку и ругать её нецензурными словами. Стыд, позор, жестокость. Требую немедленно убрать свою дочь с её мужем от бабушки. С этого дня не считаю [имя внучки — прим. редактора] своей внучкой, пока со стороны их не получилась [нрзб] новая бесчеловечность. С приветом Щастный.*

27 сентября, понедельник. Малооблачно. Темп. +4+16 гр. Сын [имя сына — прим. редактора] был у меня. По словам [имя сына — прим. редактора], бабушку никто не давил, а просто однажды она была связана на кровати из-за её буйства в нетрезвом виде. Моё письмо от 22 сентября получено, письмо от 26 сентября я посоветовал по получению уничтожить.

3 октября, воскресенье. Облачно с прояснениями. +1+7 гр. Сегодня у меня была жена Христинюшка. Я отдал восемь рублей, старые валенки и шерстяной пиджак и проводил её на автоостановку. К моему возврату домой ко мне пришла тётя Регина. Она принесла мне вишнёвого варенья, винограду и дала мне пару хороших яблок. Встреча была приятной, хоть и не длительной со стороны домашнебытовых условий тёти Регины. Ей исполнилось уже 77 лет. Закончено чтение выступления А.А. Громько на пленарном заседании 26 сессии Генеральной ассамблеи ООН.

8 октября, пятница. Переменная облачность. Промыты и законпачены окна. Наш дом ветеранов Труда готовится к встрече зимы.

10 октября, воскресенье. Большая облачность, дождь. –2+6 гр. Моя тихая прогулка совершена по ул. Максима Горького в 10 часов к племяннику [имя племянника – прим. редактора]. [Имя племянника – прим. редактора] мне отдал электрочайник, отремонтированный им. [Пропуск при расшифровке части текста дневника – прим. редактора]. [Имя племянника – прим. редактора] мне дал банку варенья малинового, за что я поблагодарил его и его жену [имя жены племянника – прим. редактора]. Домой вернулся к 13 часам.

18 октября, понедельник. Облачно, дождь. –2+6 гр. Это для меня не радостно. Ночью при выходе из туалета я упал и падал ещё два или три раза. На кровать залез и скоро уснул. При падении разбил голову до крови. Приём лекарств нормальное. Сегодня ничего не читал.

19 октября, вторник. Ясная погода. Темп. 0 гр. Самочувствие плохое. Приём лекарств нормальное. По телефону вызывали в горком КПСС. По состоянию своего здоровья поехать не смог.

21 октября, четверг. Дождь. Темп. –1+5 гр. Христинюшка попроведала меня. Спасибо. Я дал ей 10 рублей от своей пенсии и наручные часы, списанные по акту.

26 октября, вторник. Большая облачность. Христинюшка попроведала меня. Была у меня с 9 до 14 часов. Отдал ей списанные по акту старые туфли, белую рубаху. Мимо. Лотерейные билеты [серии, номера – прим. Л. Боярского] оказались несчастливymi.

28 октября, четверг. Снег. Тем. –8–6 гр. Вчера на улице была грязь, а сегодня настоящий зимний день. Прочитан доклад Помпиду. Пользуясь морозной погодой, сделал прогулку к новому месту жительства брата Петра.

30 октября, суббота. Облачно с прояснениями. Сын [имя сына – прим. редактора] попроведал меня. Дружелюбие, радушие, сердечность. У телевизора. Сегодня последний день дружественного визита Л.И. Брежнева во Францию. Я и Мартынов Н.В. смотрели передачу по телевизору.

5 ноября, пятница. В медпункте. Был на приёме у врача Валентины Александровны. Получены лекарства таблетки витамин ц с глюкозой, банки на спину через день, мочегонные уколы в ягодичы 5 раз. Франция приветствует визит Л.И. Брежнева. Ветер перемен на Ист-Ривер. За свободу чехов и словаков. А.Н. Косыгин в Канаде. Тучи над Индостаном. Валютный кризис и третий мир.

7 ноября, воскресенье. Снег. Темп. 0–2 гр. Всенародный праздник Великого Октября.

У динамика слушал передачи о празднике трудящихся в Москве. Получены поздравления от Обкома КПСС, тюменского горкома КПСС, райкома КПСС, брата Виктора, сына [имя сына — прим. редактора], тётушки Регины, Губинской Р.М., Александровой Н.З., Носова Д.И., Филимоновой Е., внуков из Риги.

11 ноября, четверг. Перем. облач. Темп. +2+4 гр. Моё состояние здоровья неладное. Очень зудится кожа на руках и пояснице на нервной почве. Врач Валентина Александровна, осмотрев на моих руках красноту, выписала лекарство — болтушка на зудящие места и микстура Павлова [рецепт вклеен — прим. Л. Боярского].

18 ноября, четверг. Малооблачно. Темп. –6–2 гр. Приём лекарств продолжается и смазывание зудящих мест болтушкой.

23 ноября, вторник. Малооблачно. В четвёртый раз студентка пединститута Терентьева А.А. посетила меня. Сегодня она провела беседу с Кочаковой А.Ф. по сбору воспоминаний для будущих поколений. [Далее в рамке — прим. Л. Боярского]. Здоровье Косаткина Михаила Кирсановича очень плохое. Другу приходится оказывать ему посильную помощь. Сегодня Мише я дал сахару и печенья. Он отдал мне имеющихся денег 10 рублей и мелочью 1 руб. 22 коп. Друг Миша просил, чтобы я чаще заглядывал к нему и побольше находился при нём. Я очень рад хоть чем-нибудь помочь ему.

26 ноября, пятница. Ясная погода. Темп. –4–3 гр. Сегодня друга Косаткина попровела его родственница Ульяна из Велижанского района. Это хорошо. Письмо сыну [имя сына — прим. редактора]. *Просьба купить для меня отрывной календарь-справочник. Когда будешь по служебным делам в Тюмени, зайди ко мне для беседы на домашне-бытовые темы. Щастный.* Журнал «Новое время», № 47 1971 г. В номере: На дальних подступах к Белому дому. Борьба с невидимым врагом — микробами.

2 декабря, четверг. Переменная облачность. Т. –4–3 гр. В кинозале просмотрена картина «Егор Булычёв и другие». Косаткин М.К. сегодня лежит в постели спокойно. ~~Косаткина Ульяна Алексеевна сегодня не была.~~ [Здесь и далее любые упоминания о Косаткиной У.А. вымараны — прим. Л. Боярского].

6 декабря, понедельник. Большая облачность. Т. –6–3 гр. Косаткина Ульяна Алексеевна хотела сегодня остаться при Мише в ночное время, но всё же вечером ушла во свояси.

Уплочены партийные взносы за себя и друга Косаткина М.К. Слушал по телевизору и смотрел выступление Л.И. Брежнева на съезде ПОРП. Сделана перевязка ног бальзамовой мазью.

7 декабря, вторник. Облачно с прояснениями. Т. –8+5 гр. Наконец друг Михаил Кирсанович Косаткин отмучился. Болезнь рака привела его к преждевременной смерти сегодня в 15 часов 50 минут, а через два часа его отвезли в морг.

19 декабря, воскресенье. Ясная погода. Темп. –22–19 гр. В нашем доме несколько человек заболели вирусным гриппом. Врачём Черновой со вчерашнего дня объявлен карантин и обеспечиваемым объявлены меры предосторожности. От заболевания каждый день в столовой будет даваться к обеду чеснок, как средство от заболевания гриппом. Тираж 7 выпуска ДВЛ 1971 г. Мимо счастливых билетов. Всего из всех приобретённых мной в 1971 году билетов выиграл 1 рубль. А что скажет 1972 год, узнаем. Приобретены лотерейные билеты за №№ серий 40248, 40249, 40250.

21 декабря, вторник. Облачность, небольшой снег. Т–4–5 гр. Друг Мартынов Николай Васильевич сегодня, наконец, после длительного перерыва решил пройтись по корридору с моим сопровождением в 11 часов дня. На этой прогулке пришлось сделать три остановки для отдыха друга. Я прополоскал его плевательницу, налил свежей воды в плевательницу друга. Пробыл вместе с другом до 20 часов.

24 декабря, пятница. Снег. Инспектор дома интерната ветеранов труда т-щ Тимохин Семён Никитич и врач Чернова Валентина Александровна сообщили обеспечиваемым, что в честь нового года в столовой будет поставлена ёлка для обеспечиваемых. Это хорошо или нет, сказать трудно. Не будет ли опасным делом ёлка у нас в доме в противопожарном отношении?

29 декабря, среда. Снег. –30–18 гр. Сегодня в 18 часов друг Мартынов Н.В. сделал прогулку по корридору. «Новое время». Журнал, № 52 1971 года. Девальвация доллара. Прозрение Дэниела Эллсберга. Лечение от экземы продолжается.

31 декабря, пятница. Ясная погода. Темп. –33–25 гр. Последний день проходящего 1971 года в нашем доме ветеранов труда прошёл довольно оживлённо. В столовой во время ужина горела ёлка разноцветными электролампочками и среди обеспечиваемых чувствовалось приятное настроение. А после ужина люди с хорошим состоянием здоровья группировались для встречи нового года с закусками и конечно же, вином, после распевали песни. Другие слушали радиопередачи, как я с Николаем Васильевичем.

МОНСТРЫ И МАРГИНАЛЫ ПИСЬМА, А ТАКЖЕ ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ — ЧИТАЯ ДНЕВНИКИ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЩАСТНОГО

Степан Попов

УДК: 82–95.

Ключевые слова:
маргинальный автор,
маргинальная литература,
советский дневник,
позднесоветская эпоха,
рабкоры, критическая теория,
история литературы.

Аннотация

Перед этим эссе стоит всего одна задача — сделать попытку адекватно прочитать публикуемые материалы Владимира Васильевича Щастного, а также кратко обрисовать те историко-литературные сюжеты и социально-политические контексты, которые можно счесть наиболее актуальными для него как автора (или — наиболее релевантными для опыта чтения его «странного» типа письма). Помимо этого, в эссе представлен обзор некоторых подходов к изучению культурной маргинальности, разработанных в границах критической теории второй половины XX века.

Monsters and marginals of literature and where they come from – reading the diaries of V.V. Schastny

Stepan Popov

Keywords:
Marginal Author, Marginal Literature,
Soviet Diary, Late Soviet Era,
Rabkors, Critical Theory,
History of Literature.

Abstract

This essay has only one purpose – to make an attempt to adequately read the published materials of V.V. Schastny and to outline the cultural, social and political contexts relevant to him as an author (or – relevant for experience of reading his «strange» texts). In addition, the essay provides an overview of some of the approaches to the study of cultural marginality developed within the framework of the critical theory of the second half of the 20th century.

Стиль письма пенсионера Владимира Васильевича Щастного следует определить даже не столько как «странный» или «неестественный», сколько как — и это, по всей видимости, будет наиболее справедливая и точная оценка, — **монструозный**.

Часто Щастный значительно удлинняет фразу, использует для описания стандартных бытовых ситуаций слишком много слов, по сути дела — проясняет и без того очевидные, обычно не проговариваемые детали и подробности: «Во второй половине дня ездил в баню на улице Ленина. Когда я уже помылся и ополоснулся холодной водой, я отдал свое мыло незнакомому мне мужчине *по его просьбе* [здесь и далее, если это не оговорено отдельно, курсив мой — прим. С.П.]» [Боярский 2019а]. Или: «Сегодня пришлось неплохо поработать на водозащите, чтобы не пустить воду в подпол. Вынесено из ограды 60 ведер, *вычерпывалась вода банкой с переливом в ведро*» [Боярский 2019а]. Такими необязательными, ненужными уточнениями переполнены тексты Щастного.

В особенности — записи о медицинских процедурах¹, которые делаются пишущему: «В 10 часов посещала медсестра. Она сделала мне вливание пенецелина *в правую ягодицу*... <...> В 22–30 еще раз приходила медсестра произвести вливание пенецелина *в ягодицу левой ноги*» [Боярский 2019а]; «Врач выписала мне... вливание лекарств *путем уколов в вену рук*» [Боярский 2019b] и т.д.

Выполняя, на формальном уровне, свою коммуникативную задачу, — давая изложение произошедших с пишущим событий, фактически, хронику его повседневной жизни, — письмо Щастного, тем не менее, оказывается избыточным. Иногда текст даже становится автопародийным: «Счастливо и жизнерадостно встретили свой праздник женщины, живущие в доме ветеранов труда... <...> *Я приветствовал всех женщин от имени себя*» [Боярский 2019b].

Отдельные выражения, встречающиеся в записях Щастного, также невозможно охарактеризовать иначе, как **монструозные**. К примеру: «Христинюшка [жена В. Щастного — прим. С.П.] приезжала ко мне за деньгами. Денег я ей не дал, в результате чего уехала домой, *не забыв проявить свое сверхплохое поведение*» [Боярский 2019b].

1. Следует отметить, что Щастный преимущественно фиксирует именно инвазивные процедуры, то есть — связанные с прямым вторжением в тело пациента. Понятно, почему рассказ о сделанных ему инъекциях Щастный ведет не от первого лица, используя вместо этого пассивный залог («сделала мне вливание»): это единственно возможный здесь способ описания. Любопытно, однако, что к повествованию в пассивном залоге в целом пишущий, без какой-либо особенной мотивировки (и вне контекста медикалистского дискурса), в своих записях обращается весьма часто. О возможной функции и значении чего — будет отдельно сказано далее.

Еще: «Я помогаю другу подняться с кресла, он чувствует себя слабым, мне его жалко, я, невольно прослезившись, целую друга и веду его в свою комнату. *Вот как получается настоящая человеческая взаимосвязь дружеская*» [Боярский 2019b].

Образцы **«монструозной»** речи можно обнаружить и в личных письмах Щастного, копии которых тот прикладывает к своему дневнику: «Просьба купить для меня отрывной календарь-справочник. Когда будешь по служебным делам в Тюмени, *зайди ко мне для беседы на домашне-бытовые темы*» [Боярский 2019с]. Или в более формальных записках, которые он посылает врачам дома-интерната (и которые также помещает в тексте дневника): «Просьба обратить Ваше внимание на приготовление мясных блюд из языков и сердец, кои надо пропускать через мясорубку. *По моему это мероприятие позволит полностью использовать мясные блюда*» [Боярский 2019b].

Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что пишущий опознает собственную манеру письма как легитимную: **последняя перестает действовать исключительно в границах интимного жанра, перестает функционировать как «язык для себя» — и используется уже для социальной коммуникации.** Дополнительным аргументом тому может послужить следующий эпизод из его записей: «Проведена беседа с ученицей 5 класса средней школы № 30 [имя ученицы — прим. С.П.] и даны ей в подарок журналы “Наш современник” за 1969 год... <...> При вручении журналов посоветовал ей завести свой дневник» [Боярский 2019a]. Легко предположить, что за советом завести дневник последовали и инструкции по способу его ведения и заполнения.²

2. По крайней мере, в той культуре, в которой воспитывался Щастный и в которой он формировался как пишущий, руководства по ведению личных дневников, безусловно, существовали, оказывали определенное влияние на их авторов и играли важную идеологическую и культурную роль. О чем более подробно может рассказать, например, Йохен Хелльбек: «...судя по “книжке красноармейца” периода Гражданской войны, по крайней мере некоторые революционные активисты пытались использовать дневник в целях политического воспитания. <...> ...предписание вести дневник вполне соответствовало общей стратегии Красной армии, направленной на ликвидацию политической неграмотности бойцов и выработку в них чувства сопричастности борьбе, имеющей всемирно-историческое значение» [Хелльбек 2017: 58]; «...существуют некоторые свидетельства того, что еще в 1920-е годы ведение дневников использовалось в советских школах как педагогический инструмент — не только для совершенствования речевой выразительности, но и как средство саморазвития...» [Хелльбек 2017: 62]; «...помимо включения их авторов в советский проект, ведение дневников имело и общественную цель. Дневники и воспоминания должны были обсуждаться в рабочих бригадах и публиковаться в стенгазетах, чтобы воспитывать и мобилизовывать отстающих членов коллектива» [Хелльбек 2017: 66]. В связи с проблематикой советских дневников см. также книгу Ирины Паперно: [Паперно 2009].

Вообще же, высокая социальная активность Щастного, — и в частности, его попытки распространить личные практики на других, сделать их предметом общего интереса и, самое главное, использования, — составляет специальную, обособленную проблему; и о которой, возможно, следует сказать отдельно.

Помимо этого, в **монструозном** стиле Щастного можно выделить еще одну особенность (уже, впрочем, отмеченную выше): пишущий очень часто, — и что характерно, немотивированно, фактически, в качестве негласного правила, — использует пассивный залог вместо активного и оказывается, таким образом, субъектом без действия, без какой-либо выраженной агентности.

Такой модус письма Щастный использует при описании повседневных и досуговых практик: «Вместо лекарств в порядке лечения *пришлось выпить водки с молоком и перцем*, в результате сильный кашель успокоился. *Закончено чтение замечательной книги* об Октябрьской революции глазами зарубежных участников...» [Боярский 2019a]; своих дел по хозяйству: «*Вымыты потолки* в обеих комнатах и кухне, *произведена побелка известкой* капитальных стен и русской печи. *Побелку произвела [sic!] Христиньюшка*» [Боярский 2019a]; и даже актов социального взаимодействия: «В первый раз прогулка по коридору после возвращения из больницы Мартынова Н.В. *С помощью меня сегодня сделали прогулку [sic!]*. Трижды прошлись» [Боярский 2019b].

Грамматическое здесь, однако, лишь иллюстрирует концептуальное: сознательная элиминация присутствия субъектности в письме отражает и сознательную элиминацию присутствия субъекта в самом же пишущем.

Так, в своих записях Щастный почти что не производит персональных оценок происходящих с ним событий. Если что-то он и фиксирует, то лишь собственные эмоциональные состояния, редкие аффекты, возникающее по тем или иным поводам, — чаще, безусловно, неприятным: «Только я успел открыть дверь, как Ванька оказался у постели моей жены. Она быстренько одевается и уходит с ним... Вот с кем пропивает мою пенсию моя жена... <...> *Это позор, несчастье и оскорбление для меня*» [Боярский 2019a]. Но иногда и более радостным: «Но вот дверь в мою комнату открывается, пришла внучка [имя внучки — прим. С.П.] с мужем [имя мужа внучки — прим. С.П.], что *для меня составило приятное явление*» [Боярский 2019b].

Остается, тем не менее, не вполне понятно, как читать, понимать и интерпретировать Щастного. **Маргинал** по происхождению и сложившейся биографической траектории (о чем дает достаточно ис-

черпывающее представление автобиография пишущего³) — Щастный производит такое же, **маргинальное** и неконвенциональное, письмо. И все же, стоит сделать попытку оценить его материалы. Начать следует издалека.

В «Берлинской хронике» Вальтера Беньямина есть одно любопытное автоэтнографическое наблюдение: «Если я пишу по-немецки лучше большинства писателей моего поколения, то в основном благодаря двадцатилетнему соблюдению единственного правила: *никогда не употреблять слова “я”*, кроме как в письмах» [Беньямин 2005: 174]. Сформулированные здесь Беньямином правила письма, до известной степени (и что уже было продемонстрировано), разделяются и Щастным. Эта аналогия, при ее кажущейся надуманности или несерьезности в действительности не лишена определенного концептуального потенциала и дает весьма продуктивную рамку для анализа.

Из автобиографии Щастного известно, что в 1920-е годы тот был вовлечен в рабкоровское движение. Этот опыт Щастный описывает как воодушевляющий, в первую очередь — от появившейся возможности много и активно писать, от самого факта создания текста. Любопытно, что трактовка функций рабкоровского движения, даваемая Щастным, — не вполне корректна.

Сергей Третьяков, один из его идеологов⁴, настаивал на том, что рабкоровские тексты ценны прежде всего своей политической миссией и способностью перформативно менять социальную реальность. Пересказывая же мотивы рабкоров, неверно понимающих свои цели и задачи, Третьяков замечал: «Большинство заметок даже не старается сделать какие-нибудь выводы. Нельзя же считать выводом концовки: “надо подтянуться”, “давайте об этом говорить”, “пора изжить”... и т.д. Это простейший тип заметки. Чисто информационный. Человек видит что-то и рассказывает о виденном... <...> Для них заметка — самоцель. Это — профессионалы по ловле “социальных блох”. У этих людей задача рабкорства стоит вверх ногами» [Третьяков 2000а: 223]. Щастный, гордый лишь от количества произведенных им текстов, в этой перспективе, безусловно, проявляет

3. Отдельно важно здесь то обстоятельство, что Щастный с детства страдал от эпилепсии: впоследствии это сильно осложнило его профессиональную жизнь. Можно даже сказать, что болезнь предопределила выпадение Щастного из полноценной социальной жизни.

4. Стоит сразу отметить, что связь между Беньямином и русским авангардом 1920–1930-х, в первую очередь, выстраивалась именно через работы Третьякова. О чем, в частности, см., например, здесь: [Чубаров 2018].

себя как несознательный рабкор. Однако это не означает, что он не владеет рабкоровским типом письма — или не понимает его специфики.

В частности, то, что Щастный, фиксируя какие-либо события, стремится описывать их максимально полно, с большим количеством деталей и так, будто он дает инструкцию по воспроизводству своих действий, — отвечает установке рабкоровского письма на точность и «нелитературность» выражений, на устранение коннотативного поля текста, рационализацию процесса производства письма в целом. Виктор Шкловский, еще один идеолог рабкоровского движения, писал по этому поводу⁵: «Настоящая литературная школа состоит в том, чтобы научиться описывать вещи, процессы. Например, очень трудно описать словами, без рисунка, как завязать узел на веревке. Описать вещи точно так, чтобы их можно было представить и только одним способом, тем самым, которым они описаны» [Шкловский 2018: 628].

Более того, само по себе **положение Щастного в собственном тексте, то есть положение не как автора и главного героя повествования, а исключительно как «безличного» оператора письма, также вписывается в рабкоровскую литературную программу.** В другой своей статье все тот же Третьяков отмечал: «Индивидуально специфические моменты у людей в биографии вещи отпадают... но зато чрезвычайно выпуклыми становятся профессиональные заболевания данной группы и социальные неврозы... <...> В “биографии вещи” эмоция становится на подобающее ей место и ощущается не как личное переживание. Здесь мы узнаем социальную весомость эмоции...» [Третьяков 2000b: 72]. Предлагая не столько описывать вещи вместо людей, сколько попробовать увидеть и осознать возможность производства текстов уже о социальности и о включенности человека в социальность и материальный мир, мир вещей и производственных процессов, — Третьяков, фактически, тем самым устраняет, **отменяет** привычку рефлексировать о субъекте как о глав-

5. См. также любопытный совет, который Шкловский дает молодым авторам в своей книге «Техника писательского ремесла»: «Вот нужно посмотреть на предмет, как-будто вы про него не знаете... Если вы хотите описать хозяйчика, который угнетает рабочего, то не называйте его сразу хозяйчиком, а покажите его в работе... Нужно идти от описания к называнию, а не от называния к описанию» [Шкловский 1930: 21]. Весьма примечательно, что постулируемый здесь Шкловским проект письма, не называющего (денотация) вещи, а только изображающего (сигнификация) их, — сходен с размышлениями, к примеру, Ролана Барта о характере «языка дровосека», то есть типа письма с преобладающим «операциональным характером» и устанавливающим с предметом описания «транзитивные отношения» [Барт 1989: 115]. Более подробно о концептуальных связях между советской и французской критическими теориями см.: [Калинин 2012].

ном источнике и материале любого рассказа, фикционального или нефикционального⁶.

Щастный, очевидно, симпатизирует этой концепции Третьякова. Возможно, именно поэтому он так активно пересказывает в своих дневниках новости (обязательно международные!), которые слышит по радио, узнает из газет или телепередач: «Новое время No 12, 1970 г. Происки империализма в Индокитае. Фашистский закон. Союз монополий и военщины в США» [Боярский 2019a]; «У телевизора. Сегодня последний день дружественного визита Л.И. Брежнева во Францию. Я и [имя друга — прим. С.П.] смотрели передачу по телевизору» [Боярский 2019c]. Конспектируя новостные сводки, пишущий таким образом вписывает себя в широкий социальный и политический контекст, стремится ощутить себя как часть и как актора большого исторического процесса (а не как частного индивида, проживающего свою частную жизнь).

Здесь, впрочем, следует сделать еще один шаг в сторону.

Уже Антонио Грамши определяет «народную культуру», то есть культурные практики непривилегированных сообществ (и, соответственно, — письмо непрофессиональных **маргинальных** авторов), как подражательную, вторичную или просто зависимую от доминирующего, «высокого» культурного дискурса: «Существует стилистическое различие между сочинениями, предназначенными для публики, и другими, например между литературными произведениями и письмами... <...> ...в мемуарах и вообще во всех сочинениях, предназначенных для узкого круга и для себя самого, преобладает умеренность, простота, непосредственность, тогда как в других сочинениях часто преобладает напыщенность, риторика, декламационный стиль, стилистическое ханжество. Эта “болезнь” настолько распространена, что передается народу, из-за нее “писать” означает теперь взбираться на ходули, создавать праздничную атмосферу и “предпочитать” излишне болтливый стиль, во всяком случае, выражаться не так, как обычно принято» [Грамши 1959: 514]. Согласно Грамши, воспринимаемый как престижный,

6. Важно, что и Беньямин разделяет эту литературную установку — в частности, в своем «Берлинском детстве на рубеже веков». Это становится ясно сразу же, из предисловия к книге: «...биографические моменты в моих набросках, проступающие скорей в силу непрерывности, а не глубины жизненного опыта, отходят на задний план. А с ними и лица — школьных товарищей и родных. Зато мне было важно воссоздать **картины** [выделено автором — прим. С.П.], в которых отразилось восприятие большого города ребенком из буржуазной семьи» [Беньямин 2012: 9]. Интересна формулируемая Беньямином задача текста: показать себя, в первую очередь, как субъекта социальной жизни; применить рамки социального (и даже антропологического) анализа — по отношению к самому исследователю, по сути дела — к самому себе же.

«высокий» литературный дискурс адаптируется непривилегированными сообществами и вследствие чего — тривиализируется, становится пародией.⁷

Мишель Фуко, напротив, пытался представить непривилегированных как способных говорить «за самих себя». По мысли философа, **угнетенные** лучше знают собственную ситуацию и собственный опыт, и поэтому вполне готовы самостоятельно о них рассказывать: «...интеллектуалы поняли, что массы ради знания в них уже не нуждаются. Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо все знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить» [Фуко 2002a: 68]. Более того, Фуко подчеркивал, что задача интеллектуала в этих обстоятельствах сводится лишь к созданию таких политических условий, где речь **угнетенных** будет услышана и воспринята адекватным образом: «...главная задача интеллектуала состоит не в том, чтобы критиковать сопряженные с наукой идеологические положения или же действовать так, чтобы его научная деятельность сопровождалась правильной идеологией; она заключается в том, чтобы знать, возможно ли установление новой политики истины» [Фуко 2002b: 209].

Гайатри Чакраворти Спивак, возражая Фуко, напротив, настаивала на том, что желание интеллектуалов позволить, наконец, **угнетенным** (субалтернам) говорить за самих себя утопично: любой дискурсивный способ выражения, пишет Спивак, уже апроприрован властью, и любая речь любого угнетенного, соответственно, будет искажена. Единственный же способ для **угнетенных** произвести какое-либо автономное высказывание, — это обратиться к невербальным, к примеру, телесным практикам самовыражения и тем самым избежать ситуации, где язык подводит говорящего, действует в пользу того, кто пытается его же и репрессировать [Spivak 1988].

7. В этой связи любопытно, что и советская теория 1920-х подмечает эту особенность рецепции культурного канона со стороны «народных» реципиентов. Осип Брик, в частности, пишет, что часто угнетенный стремится мимикрировать под угнетателя, стремится копировать принадлежащие ему культурные образы и модели поведения: «Есть рассказ Яковлева о чекисте, который влюбился в советскую барышню. Этот чекист ездит с барышней и со своими приятелями по Волге. Приятелям его флирт не нравится. Чекист поднимает барышню на руки и хочет бросить ее в воду. Полная инсценировка Стеньки Разина и княжны...» [Брик 2000: 84]. Важна, тем не менее, также и оценка, даваемая Бриком этому явлению: «...чекист и барышня могут казаться похожими на Стеньку Разина и княжну; но познавать чекиста и барышню через художественный образ Стеньки и княжны — это не значит их познать, а значит затемнить дело... Важны не общие черты, не общая схема, а индивидуализация факта» [Брик 2000: 84].

Щастный же показывает, что **маргинальное** — это не обязательно вторичное, оппозиционное культурной норме или, наоборот, искаженное ею. Прежде всего, это прослеживается в том, как пишущий в своих материалах работает с идеологическим дискурсом.

Если дневник 1920–1930-х годов, — как его описывает все тот же Хелльбек, — стремился апроприировать официальный идеологический дискурс, произвести на его основе идентичность автора и таким образом позволить последнему «нормализоваться» в новых политических и культурных обстоятельствах⁸, то **дневник Щастного воспринимает идеологию не как автономный дискурс (с которым необходимо выстроить некоторые отношения), а как язык или, точнее, — даже как своего рода риторический механизм.**

При помощи идеологии Щастный дает советы своим близким: «Прошу тебя больше *не позорить себя пьянкой перед семьей и коммунистической партией*. Веди себя как *настоящий коммунист...*» [Боярский 2019a]. Используя идеологический нарратив, пишущий также исследует социальную реальность и производит свою оценку последней: «...я счастлив и благодарен советскому правительству за возможность пенсионерам *отдыхать* и спокойно жить в *домах интернатах*» [Боярский 2019b].

Важно, однако, что идеология не имеет здесь какого-либо символического капитала или культурного авторитета. Напротив, идеология выполняет простую структурирующую функцию: она только позволяет пишущему находить наиболее подходящие, точные выражения для описания действительности и собственных ощущений от нее; по сути дела — лишь дает Щастному готовые, легкие для усвоения, экономичные формы письма.

И стоит дополнительно зафиксировать: как Щастный манипулирует советским идеологическим нарративом, так он манипулирует и европейским авангардным дискурсом 1920-х годов (где можно обнаружить и Третьякова, и Беньямина). Используя те языковые ресурсы, которые ему предоставляют эти дискурсы и большие нарративы, Щастный, однако, не мимикрирует под последние, а остается самим собой, остается автономной фигурой.

8. Хелльбек по этому поводу пишет следующее: «Многие авторы дневников сталинской эпохи были увлечены поиском того, кем они, в сущности, являются и как они могут преобразовать себя. <...> Их дневники были действенными инструментами для вмешательства в собственное Я и сопряжения его с осью революционного времени» [Хелльбек 2017: 19–20]. Взгляд на советский дневник 1920–1930-х годов как на лабораторию по производству идентичности — и как на специфическую форму установления «персональных» отношений с идеологическим дискурсом — разделяет также Игал Халфин: [Halfin 1997].

Будучи настоящим **монстром** письма, Щастный, таким образом, адаптирует не принадлежащие ему дискурсы и нарративы, искажает их, использует их концептуальный и литературный потенциал в свою пользу. Как тот читатель-браконьер Мишеля де Серто, он «движется по землям, которые ему не принадлежат, словно номады, браконьерствующие на территориях, которые не были покрыты их письменами» [де Серто 2013: 292].

И соответственно, будучи настоящим **маргиналом**, Щастный не остается подавленным или **угнетенным**, а становится фигурой, проявляющей себя через агрессивный, в какой-то степени даже захватнический тип культурного поведения и социальной коммуникации. Щастный оказывается не жертвой, а наоборот — агрессором.

И если бы конвенциональная история литературы смогла бы увидеть Щастного, научилась бы его читать и интерпретировать (и таких же, как он⁹) — то, пожалуй, как дисциплина последняя бы только **приобрела** (а не потеряла).¹⁰

Список источников

1. [Беньямин 2005] — *Беньямин В.* Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 165–209.
2. [Беньямин 2012] — *Беньямин В.* Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 144 с.
3. [Боярский 2019а] — *Боярский Л.* Еще один год из жизни тюменского пенсионера / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019). См. с. 247–255 наст. изд.
4. [Боярский 2019б] — *Боярский Л.* Один год из жизни тюменского пенсионера. Ч. 1. / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019). См. с. 255–261 наст. изд.

9. Стоит отметить, что таких монстров письма, как Щастный, советский Архив, в действительности, содержит в огромном количестве. Сам по себе Щастный здесь — лишь одна из наиболее заметных и удивительных фигур.

10. См. по этому поводу также следующий материал: [Костин, Попов 2021].

5. [Боярский 2019с] — *Боярский Л.* Один год из жизни тюменского пенсионера. Ч. 2. / Публ. дневника В.В. Щастного. URL: [link](#) (дата обращения: 15.09.2019). См. с. 261–268 наст. изд.
6. [Третьяков 2000а] — *Третьяков С.* Рабкор и строительство // Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Захаров, 2000. С. 221–226.
7. [Третьяков 2000b] — *Третьяков С.* Биография вещи // Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Захаров, 2000. С. 68–73.
8. [Шкловский 1930] — *Шкловский В.* Техника писательского ремесла. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. 77 с.
9. [Шкловский 2018] — *Шкловский В.* О писателе и производстве // Собрание сочинений: в 2 т. Том 1. Революция. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 625–631.

Список литературы

1. [Барт 1989] — *Барт Р.* Из книги «Мифологии» // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 46–131.
2. [Брик 2000] — *Брик О.* Ближе к факту // Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Захаров, 2000. С. 80–86.
3. [Грамши 1959] — *Грамши А.* Народная литература // Избранные произведения: в 3 т. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 513–546.
4. [де Серто 2013] — *де Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
5. [Калинин 2012] — *Калинин И.* Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 587–664.
6. [Костин, Попов 2021] — *Костин А., Попов С.* Конец дисциплины. О чтении гомофобных стихов, силе, каноне и беседах. URL: [link](#) (дата обращения: 29.10.2021).
7. [Фуко 2002а] — *Фуко М.* Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 66–81.
8. [Фуко 2002b] — *Фуко М.* Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 201–210.

9. [Хелльбек 2017] — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
10. [Чубаров 2018] — *Чубаров И.* Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино // Логос. 2018. № 28. С. 233–260.
11. [Halfin 1997] — *Halfin I.* From Darkness to Light: Student Communist Autobiographies of the 1920s // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. Н. 2. S. 210–236.
12. [Paperno 2009] — *Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. New York: Cornell University Press, 2009. 304 p.
13. [Spivak 1988] — *Spivak G.C.* Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / Edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg. London: Macmillan Education LTD, 1988. P. 271–317.

Степан Денисович Попов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Школа гуманитарных наук и искусств, магистерская программа «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах»
stepanpopov15@gmail.com

Stepan Popov

National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), School of Arts and Humanities, MA programme “Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective”
stepanpopov15@gmail.com